П. СОЛОМЕИН

ПАВКА-КОММУНИСТ

Пионер!

Прочти эту книгу!

Она — о твоем сверстнике, отважном пионере Павлике Морозове, вступившем в яростный бой с черным, изуверским миром кулачья.

Прочти эту книгу!

Потому что жизнь и смерть Павки отразили острейшую классовую борьбу в советской деревне в годы коллективизации, потому что книга эта — о людях и событиях, в которых звучит время — звенящее, тревожное, героическое.

П. СОЛОМЕИН

ПАВКА-КОММУНИСТ

Повесть

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1979

Р2
С60

Печатается по изданию:
Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1976

Для среднего школьного возраста

Литературная обработка О. Корякова

С $\frac{70803-092}{М158(03)-79}$

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЕ АВТОРЕ

Есть люди и события, в которых время, эпоха отражаются с особой ясностью и силой. Так, жизнь и смерть пионера Павла Морозова отразили в себе жгучий пламень острейшей классовой борьбы, которая полыхала в советской деревне в годы коллективизации.

Два мира — молодой, светлый советский мир и черный, изуверский мир кулачья — сшиблись в смертной схватке. И в кипень яростного боя отважно вступил простой деревенский мальчишка по имени Павка.

Вглядитесь в его портрет. Очень славный и вполне обыкновенный паренек. Высокий ростом, русоволосый, с карими глазами. Звонкий голос. Размашистая походка. Он любил рыбачить и гонять верхом на лошади. Любил песни и смех. А особенно книги, которых ему всегда не хватало. Был он честен и горяч и сгоряча мог отлупить даже друга.

Таким встает образ Павки Морозова со страниц этой книги.

И все же — это тоже ощущается в книге — было в нем что-то такое, что обнаруживается не в каждом. Особенно в накаленной обстановке лютого кулацкого засилья.

Павка был ярым, воинствующим правдолюбом. А правда для него была одна — великая святая правда ленинских идей. Эту правду он познал в школе, в книгах и газетах, в жизни. Она пронизала все его существо, ей он отдал свое сердце.

Алексей Максимович Горький писал в 1933 году:

«Родные по крови, враги по классу убили Павла Морозова, но память о нем не должна исчезнуть,— этот маленький герой заслуживает монумента, и я уверен, что монумент будет поставлен».

Память о Павле Морозове не исчезла. Монумент ему поставлен не один. О славной жизни его и смерти написано немало книг. Читатели знают поэтические произведения С. Щипачева и Е. Хоринской, знают повести В. Губарева и А. Яковлева, знают пьесу Л. Румянцева.

Эта книга, посвященная пионерской организации, членом которой состоял Павлик Морозов, станет в ряд с другими. Но от них она отличается. Эта повесть П. Соломеина не содержит ни одного вымышленного лица или события. Она достоверна, как документальное произведение. В ней все как было.

Характер книги во многом зависит от автора. Написавший эту повесть Павел Дмитриевич Соломеин не был профессиональным писателем. Он был газетчиком, журналистом. А юность его чем-то походила на Павкину.

П. Д. Соломеин родился в 1907 году в селе Сосновском Покровского района Свердловской области в семье потомственного кузнеца. Восьмилетним мальчонкой он остался без родителей. Беспризорничал, воспитывался в детских домах и трудовой коммуне.

Он — тоже Павка! — был организатором одного из первых в Покровском районе пионерских отрядов — в Маминском детском доме (там же он стал одним из

первых покровских комсомольцев). В 1927 году вступил в Коммунистическую партию. По заданию партии в числе двадцатипятитысячников принимал участие в коллективизации. И в него, журналиста, стреляло кулачье.

С 1931 года селькор П. Д. Соломеин стал журналистом. Он работал в газетах «Всходы коммуны», «На смену!», «Пионерская правда», «Уральский рабочий».

Уже тяжело больным Павел Дмитриевич дописывал эту книгу.

А у книги — своя интересная история.

Когда стало известно о смерти Павла Морозова, П. Д. Соломеин вместе с другими журналистами и комсомольскими работниками выехал в Герасимовку. Он принимал участие в расследовании обстоятельств убийства и в суде над убийцами малолетних братьев, по заданию райкома партии занимался хлебозаготовками в Герасимовском сельсовете и организацией красных обозов имени Павлика Морозова, участвовал в создании колхоза имени пионера-героя и был первым его председателем. Это дало П. Д. Соломеину возможность хорошо изучить жизнь в Герасимовке, понять весь ход драматических событий, разобраться в запутанном узле противоречий, явственно ощутить бурлящий поток страстей, приведших к трагическому финалу.

Уральский обком комсомола дал Соломеину задание: написать книгу о пионере-герое. Срок был установлен жесточайший. Соломеин написал повесть за двадцать ночей. Она называлась «В кулацком гнезде» («Павел Морозов») и в 1933—1934 годах вышла в свет на русском, татарском, коми-пермяцком языках. А. М. Горький в частном письме на имя автора сурово покритиковал повесть.

Не сразу, после долгих раздумий и дополнительного изучения материала, П. Д. Соломеин решил написать повесть заново. Он закончил эту работу в 1962 году, за несколько месяцев до своей смерти, оставив нам новую книгу — «Павка-коммунист». Прочтите ее, и искра пламени, бушевавшего в Павке и горевшего в душе автора, упадет на ваше сердце.

Олег Коряков

НЕ ВСЯКИЙ БРАТ — БРАТ

Еще совсем недавно буйствовала над тайгой ошалелая гроза и хлестал дождь. А теперь вот опять выглянуло из-за темно-синей тучи солнце и, клонясь к закату, позолотило стволы столетних сосен и крыши изб деревни Герасимовки, запрятавшейся в глухих североуральских лесах.

Перед окнами избы Трофима Морозова с визгом бегали по широким лужам босоногие Алешка и Федя. Чуть поодаль, сладостно похрюкивая, купались свиньи.

У ворот школы, совсем недавно переехавшей в дом выселенного кулака, сидели на толстом бревне двое мальчишек. Разговор у них шел серьезный, на важную тему: в каких местах на озере Сатоково карась лучше идет в сети.

Павка Морозов, высокий русоволосый паренек, горячей скороговоркой доказывал, что самые сознательные караси, которых хоть не корми ничем, только сеть дай, проживают в дальнем углу озера.

Яша Коваленков с усмешечкой подзадоривал приятеля:

— Ну да, ты скажешь! Отродясь там настоящей-то рыбы не было. Мелкота одна.

— Мелкота?! — Павка даже подскочил.— А вот вчерась мы с Костей Волковым...

— Глянь-ка,— перебил его Яша,— Данилка ваш гонит.

— Какой он наш! — насупился Павка, однако любопытство заставило его повернуться, чтобы всмотреться в дальний конец улицы, откуда ходкой рысью приближался всадник.

Данилка промчался мимо, озорно замахнувшись на ребят вицей, и видно было, что не без труда сдержал он сытого коня у ворот Кулукановых.

— Лихой он, брат-то твой,— сказал Яша.

— Пес коту не брат,— буркнул Павка.

А на самом-то деле Данилка, и верно, приходился ему двоюродным братом. Он был сыном Павкиного дяди, Ивана Морозова.

Лет пять назад, году в двадцать шестом, Иван неожиданно для всех разошелся с женой и уехал в соседнее село Киселево. Новая жена его, молодая вдовушка, была женщиной своенравной. Не понравились ей дети Ивана; сын-подросток Данилка и четырехлетняя Парунька.

— Выбирай, Ванюша,— я или они.

Первой своей жене Иван, несмотря на ее горькие слезы, детей не отдал и теперь пожалел об этом. Выход был один — свезти ребят в Герасимовку к своим старикам. Пока поживут, а там видно будет.

Так он и сделал.

Старики Морозовы не возражали. Данилка сразу пришелся ко двору. Целыми днями работал он по хозяйству. То дрова колол, то воду таскал, навоз из конюшни выбрасывал да возил на ближнее поле. Работящий парень, хотя и беспокойный. Очень скоро старик Мороз разрешил Данилке выпивать вместе с ним по стакану самогона за обедом и курить самосад.

— Только для себя сам руби табак,— предупредил дед.

Хуже получилось с Парунькой. Ее невзлюбила бабка, старуха Морозиха. Была старуха замкнутой, неразговорчивой и злой. За малейшую провинку она жестоко ругала маленькую Паруньку, по каждому пустяку отвешивала ей тяжкие подзатыльники. А бывало и так: свяжет Паруньке руки назад и подвесит девчушку на толстый крюк, вбитый в стену под полатями. Висит, бывало, Парунька, заливается ревом до тех пор, пока не посинеет.

Дед Морозов, человек не менее жестокий, чем его жена, и тот негодовал.

— С ума сошла, старая! — кричал он.— Забыла, видно, как самой тебе скручивали руки так, что на груди кожа лопалась. Так тебя-то хоть не подвешивали. А Парушка — ведь дитя малое...

Росла Парунька пугливой молчуньей, худенькой, бледной. Однажды — ей исполнилось уже семь лет,— когда бабка стала искать опояску, чтобы выпороть внучку, выскочила Парунька в огород и скрылась в тайге.

Дело было в июне. В это время в лесах Северного Урала бывает столько гнуса — комаров, слепней, мошки,— что, спасаясь от него в безумном беге, даже лоси падают замертво. А семилетняя Парунька одна шла сорок километров по неторной таежной тропе, ночевала в урмане[1] и опять упрямо шла, решив во что бы то ни стало добраться до родной своей мамы.

Мать еле узнала ее. Лицо, шея и руки девочки были распухшие, покрытые засохшей кровью.

— Дитятко мое родное! Да откуда это ты такая?

Парунька долго и внимательно рассматривала лицо матери, что-то припоминая, потом бросилась ей на шею. Охватив худенькими ручонками шею матери, прижавшись головой к ее груди, защебетала:

— А я, мама, сбежала от бабки-то. Боюсь ее. Опять она хотела меня на стенку вешать...

— Как на стенку? Кого вешать? Путаешь ты что-нибудь, родненькая моя, золотиночка,— шептала мать, прижимая к себе Паруньку, гладя вихрастую, давно не чесанную голову с тонкими косичками.

Старик Мороз, узнав, что Парунька сбежала, избил свою старуху Ксенью так, как бил последний раз еще молодую, добрые полсотни лет назад. Павка приметил, что после побоев ее длинный крючковатый нос увеличился чуть ли не вдвое, а под глазами вздулись синяки.

Только через неделю пришло письмо, в котором сообщалось, что Парунька живет у матери.

Данилка один остался у стариков. Беспокойный был внук, рос бойким да взбалмошным, и часто деду приходилось наказывать его кнутом или ременным чересседельником[2]. То соседка кричит:

---

[1] *Урман* — северная хвойная тайга.

[2] *Чересседельник* — ремень, идущий от одной оглобли к другой через седелко.

— Ваш Данилка чуть не угробил моего теленка. Привязал ему палку к хвосту — он и ну бежать. Чуть сердечко не разорвалось у бедного.

То приходит баба совсем с другого края деревни и жалуется:

— Поймали Данилку вашего в огороде. Весь мак выпластал...

Старик Морозов, наслушавшись жалоб, бил внука. Больно бил, даже самому жалко было. Но ни разу не видел слез на его глазах. Прикусит нижнюю губу Данилка и молчит. Ни разу не просил прощения. Очень уж своенравным и упрямым рос.

И вот вырос. Теперь Данилка уже на настоящего мужика походить начинает. Хоть ростом и невелик, но в плечах широк и крепок. На верхней, чуть вздернутой к коротковатому носу губе появился темный густой пушок. Подбородок стал широкий и тяжелый.

Курил он и пил не меньше мужиков. Когда в просторном пятистенном доме морозовского зятя Арсения Кулуканова собиралась на самогон родня, Данилка садился за стол почти как равный. Уже давно не заглядывал он ни в книжки, ни в газеты — их заменили ему злобные в пьяном бреду разговоры Кулуканова и деда о нехристях-коммунистах, о вольной и богатой досоветской жизни, о том, что нынешняя власть рабоче-крестьянской голытьбы непрочна и вот-вот рухнет...

СЫН ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

Задумался Павка и даже вздрогнул, когда где-то рядом, в проулке, раздался дикий крик:

— Ратуйте! Обокрал меня Ванька Кусаков! Караул!

Мальчишки замерли и сжались. Крик становился все громче; из-за угла выбежал, разбрызгивая лужи

босыми ногами, лохматый, грязный мужик в длинной холстяной рубахе и ватных стеганых брюках. Его ярко-рыжие, подернутые сединой волосы кудрявой шапкой прикрывали голову.

— Берегись, Ванька! — кричал он.— Ты у меня кусок хлеба вырвал, я тебя в тюрьму засажу!

Вдруг он остановился совсем близко, шагах в двух от ребят. Его внимание привлек валявшийся на земле мокрый и грязный клочок старой газеты.

Схватив бумажку, мужик взвыл, на этот раз торжествующе:

— Вот она! Вот тебе повестка в суд, Ванька Кусаков. Что теперь скажешь? — он захохотал так, что у ребят мурашки забегали по телу.

Широко открытыми глазами смотрели они на странного человека. А он бежал к сельсовету, что-то громко крича и потрясая грязным обрывком газеты.

— Опять нашла дурь на дядю Потупчика,— сказал Яша.

— Страшный какой он,— тихо отозвался Павка.— Каково-то с ним Моте! — и вдруг улыбнулся: — А вот и она. Легка на помине.

К ним, запыхавшись, подбежала смугловатая, курносая, с большими серыми глазами девчонка.

— Туда убег,— кивнул в сторону сельсовета Павка.

— Ох, горюшко нам с ним,— громко, по-бабьи запричитала Мотя, уливаясь слезами.— Опять нашло на него. На матку замахивается. Перебил всю посуду. Куда это он побег? Искать надо.— И Мотя побежала вслед за отцом.

К сельскому Совету, расположенному в пятистенном кулацком доме, они подбежали все вместе.

На широкой и длинной скамейке у ворот, лениво переговариваясь, сидели несколько мужиков.

— Татку моего не видели? — выкрикнула Мотя.

Бородатый Николай Гудимчик неторопливо вынул изо рта березовую трубку, сплюнул и сказал:

— Ищи-свищи своего татку... Он уже в Городище, наверное, твой татка... В Тавду побег. Повестку, говорит, получил, на суд с Иваном Кусаковым. А сам показывает клочок газеты...

Мужики печально покивали.

— Вернется, видно, уж завтра,— грустно сказала Мотя.

— Пошли домой,— предложил Яша,— темнеет уж... Пойдем, Павка?

— Иди, Мотя. Хоть ночуете сегодня спокойно,— отозвался Павка.— Беги с Яшей, а я посижу еще, тату своего дождусь.

Он присел на краешек скамьи. Через открытые окна было слышно, как щелкает на счетах секретарь сельсовета, а Павкин отец, председатель Совета, Трофим Морозов, громко и строго спрашивает:

— Когда же ты, гражданин Парфенов, намерен рассчитаться с государством-то? Сельскохозяйственный налог ты все еще не уплатил. И по хлебозаготовкам у тебя за прошлый год имеется недоимка. Так?

Давыд Парфенов — Павка хорошо знал этого старого, громадного роста человека, давнего бедняка,— в ответ гудел густым басом:

— Все верно говоришь, Трофим Сергеевич, все верно. А только платить мне нечем. Вот соберу осенью урожай — рассчитаюсь.

Серые сумерки наплывали на деревню.

— Дядя Никола,— повернулся Павка к Гудимчику,— почему этот Тит Потупчик сошел с ума?

Гудимчик попыхтел трубкой, внимательно посмотрел на Павку узенькими глазками из-под лохматых бровей, сказал неодобрительно:

— Мал ты еще, Пашуха, задавать такие вопросы.

Тут, брат, тонко разбираться надо, чтобы понять это дело,— и снова засопел трубкой.

Гудимчик зажег потухшую трубку, глубоко затянулся и, выпустив дым, сказал:

— Рассказать — дело нехитрое... Тит Потупчик смолоду был гол как сокол, однако парень был хоть куда — работящий, горячий, бравый. Под стать ему и жена была его, Лидия. К нам в Герасимовку они приехали в девятьсот восьмом году — вместе с Арсюхой Кулукановым, твоим дедом Сергеем Морозовым, с Никитой Силиным да с Адамом Потупчиком.

Построили они себе хатенку и стали корчевать пни, землю разрабатывать. Каждое лето с утра до темной ноченьки ковырялись на своем участке — недоедали, недопивали, кроме лаптей да азямов [1], ничего не имели.

А потом родилась старшенькая, Мотя, и пошло — что год, то ребенок, а плохой год, так два. Не мог Тит из нужды выбиться никак.

Лет пять назад разработали они с женой новый участок — осминника [2] три. Пни выкорчевать не смогли, так весь участок лопатами вскопали. А поехал Тит сеять рожь,— оказалось, опоздал. Участок уже засеял и заборонил Иван Кусаков. Ну, отправился Тит в Тавду и подал заявление в суд. А Кусаков-то хоть и Иван, а не дурак, он выставил свидетелями Еву Сакову, Ивана Пилипенко и Арсения Кулуканова — всех своих собутыльников. Те, конечно, показали, что Тит даже не бывал на этом участке, что разработал его Иван Кусаков. Суд не разобрался и отказал Потупчику в иске. Вот Тит и рехнулся. Чудит с тех пор. То на хату

---

[1] *Азям* — верхняя долгополая одежда из домотканого сукна.

[2] *Осминник* — старая мера земельной площади, около 40 соток.

свою залезет и поет петухом, то бьет Лидию, бедную, а ребятишек своих в окошко выбрасывает.

У Гудимчика опять погасла трубка. Доставая спички, старик взглянул на Павку. Тот, не мигая, смотрел на него широко открытыми потемневшими глазами. Грязные кулачонки его были сжаты.

— Так ведь это же... Да что же это, дядя Никола! Ведь это свора кулацкая сгубила Тита Потупчика! — Павка захлебнулся в скороговорке.— Почему же Советская власть не призовет их к порядку?

— Понял, стало быть? — усмехнулся Николай Гудимчик и, оглянувшись на окно, шепнул Павке на ухо:

— А ты, парень, молчи. А то услышит нас с тобой Советская власть-то... Так-то вот.

Павка растерянно поморгал. Встал понурый, тоже глянул на засветившееся керосиновой лампой окно сельсовета и медленно побрел к дому, забыв, что хотел дождаться отца.

Совсем стемнело. Полчища больших рыжих комаров тучей вились над ним, впиваясь в лицо, шею, ноги. Павка машинально отмахивался от них. В голову лезли невеселые и тревожные мысли. Как же это надругались над Потупчиком? И татка не может помочь его семье? Почему не найдет управу на Ивана Кусакова? Ведь он, татка, и есть Советская власть, если он председатель сельского Совета!..

А мужики надолго примолкли на скамье.

— Головастый Павка-то растет,— тихо обронил Анисим Островский, притаптывая окурок.

— Самостоятельный,— в тон ему поддакнул Гудимчик.

— Да уж не в отца. Трофим-то своего характера не имеет, пьет самогон Кулуканова и под его дудку пляшет... А Павка — нет, у него другая стать.

Опять долго молчали.

— Эх,— вздохнул Гудимчик,— худая наша жизнь, глухая...

ОТ БОЛЬШОГО ТРАКТА В СТОРОНЕ

В начале двадцатого века редкий смельчак-охотник добирался по густому нехоженому урману до болотистых, заросших густым тальником и ольхой берегов лесного озера Сатоково. На сотни километров вокруг раскинулась непроходимая тайга.

Летом 1906 года сорок семей белорусских крестьян пришли на Северный Урал искать лучшей жизни, богатых земель. Волостной староста повел их в урман. Узкими таежными тропами несколько суток пробирались они по тайге и остановились между озерами Янычково и Сатоково, в восемнадцати верстах от старинного русского села Городище, расположенного на берегу лесной многоводной красивой реки Тавды.

Усталые, свалились они вечером, кто в балагане под пологом, а кто просто под телегой или у костра, еле угомонили ребятишек и спали до рассвета зыбким, тревожным сном. Где-то поблизости завывала стая волков и страшно ухал филин.

На рассвете стало прохладно. Кто просыпался — тянулся к костру. Когда собрались все, волостной староста важно поправил на груди своей большую бляху — знак его власти,— пригладил окладистую бороду и волосы, подстриженные «под горшок», и торжественно заговорил:

— Так вот, миряне, место вы подобрали хорошее. Земелька здесь такая, что посади оглоблю — телега вырастет. Пусть каждая семья выбирает себе участок без меры. Рубите лес, стройте дома. Кто сколько освободит земельки от леса, отвоюет от пней — все его.

Паши, сей хоть рожь, хоть пшеницу — все вырастет.

Тут же избрали сельского старосту. Волостной вручил ему большую круглую печать с царским гербом и, узнав, что выбранный неграмотен, научил:

— Ставь сию печать на бумагах, которые сочинит писарь. Да после того ставь, как он зачитает то, что написано. А вместо подписи своей не забывай крестик ставить. Вот так...

Волостной староста вынул из кармана химический карандаш, послюнявил его языком и на коре молодой березки показал, как надо ставить вместо своей подписи крест.

Намеряли себе переселенцы сорок участков в редком сосновом лесу, в шести верстах от озера Сатоково. Строили шалаши, каждый на своем участке, покрывали их пахучей, впервые скошенной травой и папоротником чуть ли не в рост человека. Камней поблизости не нашлось. Еле раздобыли глину. Из нее сбивали возле шалашей печки.

Самым старым из переселенцев был Герасим Саков. В честь его новую деревню решили назвать Герасимовкой. И появилась на картах новая точечка в пятидесяти верстах от Тавды в сторону Тобольска.

А через несколько лет еще дальше на север от Герасимовки одна за другой выросли новые деревни: Владимировка, Урман-Дуброва, Тонкая Гривка, Кулоховка. В ней тоже обосновались переселенцы-белорусы.

С годами выстроили герасимовцы возле своих шалашей крепкие бревенчатые избы, даже по-уральски: с полом из плотных досок. Каждая семья, сколько бы в ней ни было трудоспособных, с весны до осени не знала покоя. На отведенном участке рубила лес, корчевала и выжигала пни, пахала. А там, где нельзя было пахать, землю копали.

Ширились освобожденные от леса полоски земли.

Только сотни толстых смолевых пней торчали на каждой десятине, словно стаи воющих голодных волков.

Много земли получили герасимовцы, но нелегко расставалась с ней тайга. Прошел добрый десяток лет, а большинству переселенцев все еще своего хлеба еле хватало до нового года.

В конце 1917 года и до Герасимовки долетел отзвук Великой Октябрьской социалистической революции. В деревне появились вернувшиеся с фронта большевики. На первом же собрании вместо старосты был избран сельский Совет.

Тревожное наступило время. На Урале свирепствовала колчаковщина. В августе 1919 года в поселке Верхняя Тавда шли ожесточенные бои. Винтовочные выстрелы перекрывались трескотней пулеметов. Это пришедшие из Туринска подразделения Красной Армии атаковали остатки белогвардейских частей.

С приходом красных свободнее вздохнули герасимовские бедняки и батраки.

— Не радуйтесь шибко-то,— ворчливо угрожал кулак Иван Пилипенко.

— Жиманет еще из нас соки-то Советская власть, кровь польется из-под ногтей,— вторил ему Арсений Кулуканов.— Вспомните еще добрым словом царя-батюшку...

Шел засушливый, голодный 1921 год. В деревню стали возвращаться солдаты. И те, кто служил у Колчака и Деникина, и буденовцы, и красные партизаны.

В Тонкой Гривке появился белогвардейский поручик, сын местного кулака Гришка Барашков. В доме Барашковых собирались вечерами деревенские богатеи. Иногда поздно ночью приезжал таинственный всадник. Это был кулак Калина, староста татарской деревни, окруженной почти непроходимыми топями и болотами. Калина и другие жители этой деревни появ-

лялись в Тонкой Гривке и Герасимовке, а где находится их деревня, никто не знал.

Однажды приехали в Тонкую Гривку два продармейца в фуражках со звездочками и кожаных, видавших виды куртках. Один из них, молодой голубоглазый парень, выступил на сельском сходе с докладом о международном и внутреннем положении Советской Республики. Он рассказал о переходе к новой экономической политике, о замене продразверстки продовольственным налогом.

Сход смутно гудел. Слышались недобрые выкрики.

— Да поймите же, товарищи! — убеждал приезжий.— Для вашей же пользы, для пользы трудового крестьянства это делается. В чем, значит, суть? До сей поры существовал у нас военный коммунизм, и государство со всех брало продразверстку. Значит, все излишки и даже часть необходимого вам самим хлеба сдавали вы государству. А теперь? А теперь будете сдавать только определенную долю своих продуктов, которая называется — процент. А остальные себе и, значит, на базар. Кто много производит — больше будет сдавать, кто немного — тот меньше! Ну, конечно, те, которые зажиточные и, прямо скажу, кулаки-мироеды, те сдавать будут много, получат твердое задание. А середняк и беднота очень даже от этого выиграют...

Улюлюканьем и угрозами встретили выступление продармейца тонкогривские кулаки.

В ту же ночь продармейцы были зверски убиты. В Тонкой Гривке началось кулацкое восстание. Вооруженные винтовками и берданками, топорами и самодельными копьями бандиты под руководством Калины и поручика Барашкова утром без боя взяли Владимировку и с гиком, свистом, пьяными песнями помчались по узкой таежной дороге на юг.

В Герасимовку кулацкая банда ворвалась на рысях.

Татьяна Морозова, тогда еще совсем молодая, чернобровая, кареглазая, шла от колодца с ведрами на коромысле. Из крайней хаты с двумя подслеповатыми окнами выбежала высокая сутуловатая Ксенья Морозова и закричала:

— Танька, бессовестная, задавят ведь парнишку-то!

Татьяна обернулась на крик свекрови. Ее первенец, трехлетний малыш Павлушка, сидел на середине дороги и сосредоточенно строил из пыли горки. А от поскотины[1] прямо на него скакали вооруженные бандиты.

Не помня себя, молодуха бросила ведра, кинулась под ноги разгоряченного коня и выхватила ребенка. Глазастый большелобенький мальчишка не успел даже испугаться. Он обнял мать ручонками за шею, бормотал что-то непонятное и заливисто смеялся.

А бандиты уже осаживали коней. У красивого пятистенного дома, рядом с избой Трофима Морозова, повстанцев встречали Арсений Кулуканов и его сосед Иван Пилипенко. В руках Кулуканова был ярко начищенный медный поднос, покрытый белым вышитым полотенцем, на нем — коврига хлеба и солонка.

— Милости просим, спасители долгожданные,— низко кланяясь, говорил Кулуканов.— Примите хлеб-соль от мирян Герасимовки, которые ждут не дождутся избавления от ига большевистских комиссаров.

Разбойничья рожа Калины, окаймленная седеющей бородой, расплылась в довольной улыбке, когда Григорий Барашков принял хлеб, отломил краюху и, густо посолив ее, начал жевать.

В тот же день вечером бандиты ворвались в Городище и растерзали там пятнадцать большевиков.

Банда атамана Барашкова уже собиралась двигать-

---

[1] *Поско́тина* — выгон, пастбище.

ся на Тавду, но едва вышла из Городища — встретил ее и наголову разбил высланный из Тавды отряд красноармейцев. Атамана Барашкова и его ближайших помощников судили и расстреляли. Калина со своими головорезами ускользнул в тайгу...

Гражданская война была закончена. Росла Герасимовка. Хотя дворов в деревне было лишь около ста, на добрых три километра вытянулась она двумя рядами крепких бревенчатых изб под тесовыми крышами.

А на северной окраине, у самой поскотины, попрежнему стояли низенькие, с подслеповатыми окнами избы старика Морозова и его сына Трофима. А рядом — самый большой и красивый в Герасимовке пятистенник с резными наличниками, с высокими плотными воротами Арсения Кулуканова.

Уже много лет живут герасимовцы при Советской власти, а старик Морозов и его любимый зять Арсений все не могут забыть лихой посвист банды атамана Барашкова. Все еще ждут, не сколотит ли новый «отряд избавителей» Калина Кондратьевич. Ведь ходят по тайге слухи, что жив Калина, верховодит в своей татарской деревне, да и мелкие банды в тайге все еще не выловлены.

Правда, Арсений Кулуканов не может пожаловаться на притеснение Советской власти. Ведь председателем сельского Совета избран его собутыльник и родственник — брат жены, Трофим Сергеевич Морозов. Числится теперь Арсений по спискам середняком и даже активистом сельского Совета. На собраниях произносит он длинные и хитроумные речи, из которых старик Давыд Парфенов делает всегда один вывод:

— Хитер! Язык-от лисий, хвост-от щучий. На словах — за Советскую власть, а на деле — контра!

Арсений жил, казалось, беззаботно и по-прежнему припеваючи. Но — только казалось.

Шел бурный тысяча девятьсот тридцатый. То был второй год первой пятилетки, год сплошной коллективизации, когда трудовые крестьяне объединялись в колхозы. Черные думы мутили сердце Кулуканова. Нехорошие, недобрые для него вести шли отовсюду.

У крутых днепровских порогов, на месте древней вольницы запорожских казаков, вырастала гигантская плотина Днепрогэса. На Волге заканчивалось строительство первого в стране тракторного завода. Взметнулись в синее степное небо домны Магнитки. У всех на устах было новое, еще непривычное слово «Турксиб». Так назвали только что проложенную Туркестано-Сибирскую железную дорогу.

Неодолимо и могуче поднималась советская социалистическая индустрия. Ее величавый грохот уже раскатывался над тайгой.

В глухом заболоченном лесу под Свердловском вздымались корпуса завода заводов — Уралмаша. На берегах сибирской реки Томи росли корпуса невиданного металлургического завода-гиганта.

Огрызаясь, отступала угрюмая и злая глухомань.

...Коллективизация началась и в Верхнетавдинском районе и шла успешно. Только в деревне Герасимовского сельсовета все попытки организовать колхоз терпели неудачу. Вступать в колхозы не изъявляли желания даже беднота и маломощные середняки.

— Почему? — недоумевали тавдинские коммунисты.— Ведь уровень хозяйства белорусов-переселенцев был неизмеримо ниже, чем в соседних старинных русских селах. В Герасимовке, например, не знали, что такое плуг, и пахали свои жалкие полоски земли сохой, а хлеб молотили цепом [1]. Чтобы расчистить пашню, приходилось корчевать пни, а много ли накор-

[1] *Цеп* — ручное орудие для молотьбы.

чуешь один? Казалось, прямая выгода объединиться, обзавестись машинами, хозяйствовать коллективно.

Но, может быть, как раз в этом и таилась причина непонятного упорства герасимовцев. Бедняки здесь были особенно зависимы от богатеев, те знали это и диктовали свои законы. На того же Кулуканова работали батраки. Для них он был опорой и источником существования.

В то же время происходило вот что. Советская власть дала большие льготы беднякам. К тридцатым годам многие герасимовцы приобрели лошадей и коров, стали разводить овец и свиней, богатели. Им, жителям глухой и нищей деревушки, уже мерещилась впереди жизнь, похожая на кулукановскую, думалось: авось и они большими хозяйствами станут.

И когда представители райкома начинали разговор об организации колхоза, герасимовцы угрюмо отмалчивались. Будет ли лучше от этого самого колхоза? Какой он — кто знает? Как пойдешь против Арсения и его дружков?

А кулачье настойчиво вело свою пропаганду, и часто мужики находили подметные «святые письма», в них с подробностями рассказывалось о старце, который советовал не вступать в колхоз, если не желают люди попасть в «геенну огненную» или получить в затылок пулю, как те продармейцы, которых убили в Тонкой Гривке.

В тайге в это время все еще оперировали мелкие банды. Среди бела дня налетали они на самую отдаленную деревню — Кулоховку. Бандиты ходили по дворам, требуя мяса, масла, сала, муки, покрикивали:

— Ну-ну, тетка, пошевеливайся! Не хочешь отправиться прямо в рай без пересадки — делай что говорят. Сидор, всыпь-ка бабусе десяточек!

— Это можно,— гоготал бандит, и в хате раздавался вопль обезумевшей от страха и боли старухи.

Возами увозили бандиты на свои базы продукты, убивали из-за угла сельских активистов и представителей райкома партии.

Однажды Павка Морозов с приятелями видел, как прибежал из тайги избитый и раздетый знакомый герасимовский мужик. Борода у него была растрепана, руки тряслись. Еле-еле доспросились, что с ним случилось.

Ехал он на своей лошадке с мельницы. Вдруг из-за деревьев — люди с ружьями...

Кто-то крикнул:

— Глянь, Яхрем, хрест на нем е чи нэма?

Заросший рыжей щетиной Яхрем с винтовкой в руках подскочил к мужику, рванул ворот рубахи.

— Нэма хреста!

— Всыпать ему двадцать пять!

Разложили мужика и всыпали плетью все тридцать. А потом забрали лошадь и муку, кричат:

— А ну, тикай, коли в рай не хочешь!

Да ну пугать выстрелами, пули над головой засвистели...

Ходили слухи, что этими мелкими разрозненными бандами верховодит тот самый Калина, что вместе с атаманом Барашковым поднял кулацкое восстание в 1921 году.

Все же весной тридцатого года в Герасимовке организовалась коммуна. Но осенью она распалась, и снова Герасимовский сельсовет стал единоличным. Это был единственный, не охваченный коллективизацией сельский Совет, пожалуй, не только в Верхнетавдинском районе, но и во всей тогдашней громадной Уральской области.

ГОРЬКИЕ РАЗДУМЬЯ

Не по годам бойким и очень уж беспокойным рос Павка — старший из четырех сыновей председателя Герасимовского сельсовета Трофима Сергеевича Морозова.

Выдумщик и заводила, может быть, стал бы он вожаком во многих ребячьих проказах, да неподходяще для этого складывалась жизнь. Вместо забав с малых лет приходилось трудиться. Отец был ленив, и немалую работу по хозяйству вел Павка. Делал он все быстро, играючи, с охотой. Татьяна Семеновна только и слышала:

— Мам, давай дров поколю... Конюшню почистить? Я зараз...

А еще была у Павки одна вечная, неутолимая страсть — книги.

Книг не хватало. Их было совсем немного и в школьной библиотеке, и в избе-читальне. Все до одной перечитал их Павка. Каждую новую он ухитрялся прочесть раньше всех. Больше было политических брошюр. Он читал все подряд. Попадались мудреные — одолевал и их. Настойчивости, упорства в нем было, наверное, на несколько человек.

Нередко мать, сама неграмотная, наблюдала, как упрямо перечитывал сын одну и ту же страницу. Напряженно вглядывались в строки темные большие Павкины глаза, почти в одну линию сходились над тонким переносьем брови.

Любуясь сыном — он походил на нее,— Татьяна Семеновна вздыхала:

— Притомился, поди. Глаза изведешь. Побегал бы...

Он только мотал головой.

Он приносил из школы пионерские газеты —

«Колхозные ребята» и «Всходы коммуны»,— перечитывал в них все от первой строчки до последней, иногда делая в тексте пометки, потом аккуратно складывал и подшивал, тая газеты от отца: обругает да еще на курево пустит.

Газеты и книги — они были чудесными собеседниками, рассказчиками. Кто, кроме них, мог так ярко и неподкупно правдиво поведать о том большом и светлом мире, что лежал где-то далеко, за немереным глухим герасимовским урманом?

В мире том были большие-пребольшие города, и в них хаты по пять и больше этажей. По городам бегали самодвижущиеся повозки — автомобили, трамваи, троллейбусы.

Там были особые станции, которые вырабатывали электрический ток, он бежал по проводам и нес людям волшебный свет, загоравшийся в «лампочках Ильича».

В том мире не стреляли в коммунистов, учеников и соратников великого Ленина, который привел людей к новой жизни. В том мире не было кулаков и люди создавали колхозы, чтобы дружно, вместе с веселой песней трудиться на общем широком поле.

В том радостном мире были пионеры и пионерские лагеря, звучно рокотали веселые барабаны, а бить детей там было запрещено.

И назывался тот мир: Советская власть...

Странное дело, в Герасимовке власть тоже называлась Советской. Отчего же тогда жизнь здесь совсем не такая, как в других местах?

Вот жил-был в деревне кулак Иван Пилипенко. Это был народу враг. Он заставлял бедных мужиков работать на себя, эксплуатировал их, как пишут газеты, а сам богател да жирел. Его раскулачили и выслали. Очень правильно сделали!

Но ведь Павкин дядя, муж его родной тетки Химы, Арсений Кулуканов — тоже кулак. Не лучше Пилипенко. У Арсения долгие годы жил в батраках другой Павкин дядя — бедняк Денис Потупчик, да и многие иные мужики. Почему же не раскулачили и не сослали дядю Арсения? Наоборот, он даже считается активистом и часто, пожалуй, громче всех выступает на собраниях. Недавно, когда избирали сельсовет, Арсений Кулуканов три раза брал слово, настаивал, чтобы избрали Трофима Морозова и Петра Волкова. А потом за его предложение голосовали единогласно.

А что было в дни подготовки к выборам! По деревне ходили всякие слухи. Говорили, будто в день выборов на Герасимовку сделают налеты бандиты. Какие-то «божьи старушки» ходили из дома в дом и, оглядываясь, шептали, что приближается конец света, что все, кто за колхозы и за Советскую власть, получат жестокую кару от господа бога.

Кулацкие сынки Кузька Силин и Петька Саков накануне выборов выбили стекла в сельсовете, а в избе-читальне расстреливали из рогаток портреты вождей.

А это непонятное дело с Титом Потупчиком? Почему Кусаков самовольно занял участок, разработанный Титом? Почему отец Павки, председатель сельсовета, не восстановил справедливость?

Почему в Герасимовке нет ни коммунистов, ни комсомольцев, ни пионеров? Почему так скоро развалилась созданная в прошлом году коммуна и теперь жители всех деревень Герасимовского сельсовета живут единолично, как до революции? Был бы Ленин жив, узнал, разве допустил бы такую несправедливость и издевательство!.. Десятки назойливых «почему» одолевали Павку. Мучительнее и все яростнее становилось горестное недоумение.

— Не по правде у нас жизнь! — в сердцах сказал как-то Павка Моте Потупчик.— Советская жизнь не такая должна быть.

— Уж куда до правды нам! — совсем по-взрослому с безнадежностью махнула рукой Мотя.— Нет ее, правды-то.

Павка сразу вскипел:

— Как это нет? А Ленин? В других-то местах по Ленину живут!

— Вот вырастешь,— сказала Мотя,— и уедешь. Поедешь в те, другие места, другой жизнью поживешь. Хорошо...

Павка сердито насупился:

— Очень это даже смешно. А кто же тут-то, у нас, будет жизнь менять? Я, выходит, должен ехать куда-то на готовенькое, а у себя дома — хоть трын-трава? Не то, Мотя, говоришь.

— Не знаю, Паша, может, и не то,— с тихой грустью согласилась Мотя.

ПЕРВЫЙ ШАГ

Осенью 1931 года Павлик Морозов пошел в третью группу.

Так называли тогда класс.

Он ходил в школу в больших подшитых валенках, болтавшихся на ногах, в старенькой шубейке с вытершимся воротником, в отцовской бараньей папахе. Осень на Северном Урале суровая. Уже в октябре бушуют вьюги и закаменевшая от мороза земля покрывается полуметровым слоем снега.

Обычно рядом вышагивал Алешка, младший брат; он учился во второй группе. По дороге присоединялись приятели, затевалась игра в снежки и веселая возня.

Но Павка, на удивление ребят, в последнее время что-то не очень охотно принимал участие в снежных баталиях.

И учительница Зоя Александровна Кабина, и дружки его замечали, что Павка изменился. Часто он даже в большие перемены оставался сидеть за партой и, положив голову на ладони, задумчиво смотрел в одну точку.

— Павка, ты чего такой смурной стал? — подсел к нему как-то на перемене дружок Яша Коваленков.

— Я не смурной, я думаю.

— Думаешь, как кобыле хвост подковать? — насмешливо прищурился Яша.

— Отвались. Я о деле думаю. Как, думаю, пионерский отряд нам организовать,— и, зажегшись, зачастил: — Галстуки бы носить мы стали красные, сборы проводить. Барабан бы купили, горно.

— Горно? — засмеялся Яша.— А зачем нам его? Есть ведь горно в кузнице у Ивана Кусакова. Железо в нем нагревают.

Против обыкновения Павка даже не рассердился. Только упрекнул:

— Ты бы хоть реденько в «Колхозные ребята» заглядывал, Яша. Тогда не болтал бы глупостей. Горно — это такая медная труба. Красивая. Горнист дает сигнал на пионерских сборах — горнит, значит, ну и в походах тоже... Вот так горнит,— Павка поднял вверх сложенные в трубку кулаки и задудел в них: — Тру-ту-ту! Тру-ту-ту! — его темно-карие глаза блестели так, будто он горнил в настоящий пионерский горн.

Яша уже не смеялся.

А через несколько дней Павка, подойдя к учительнице, сказал:

— Зоя Александровна! Давайте организуем пионерский отряд, как в других школах. А?

— Отряд? — удивленно взглянула на него Кабина.— Да кто же пойдет у нас в него, Павлуша?

— Я первый пойду. Еще Яша Юдов и Яша Коваленков, я говорил с ними, Настя и Анютка Ермаковы, Митя Прокопенко и еще...

— Вон что,— улыбнулась Зоя Александровна.— Я подумаю, Паша. Завтра поговорим.

Двадцатого октября 1931 года в Герасимовской начальной школе был создан пионерский отряд. Четырнадцать учеников третьей и второй групп решили стать пионерами.

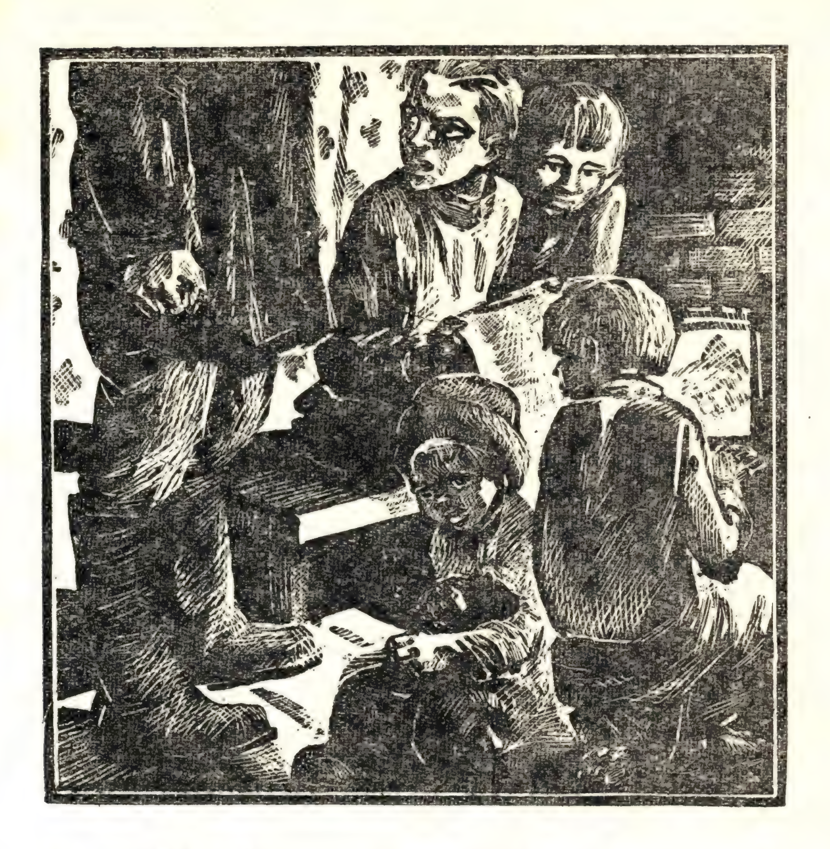
После уроков был проведен первый сбор. Не было ни красивого пионерского горна, ни рокочущих барабанов, ни даже алых галстуков. Ни одного галстука.

Волнуясь, тщательно подбирая слова, Зоя Александровна Кабина рассказала ребятам о законах и обычаях юных пионеров, потом продиктовала им текст торжественного обещания и велела выучить его наизусть. Павку Морозова единогласно избрали председателем совета отряда. Он сказал на сборе речь.

— Пионеры — это помощники комсомольцев,— скороговоркой начал он,— а комсомольцы — первые помощники партии большевиков. Как у нас в деревне комсомольцев нету, только Зоя Александровна, значит, мы должны заменить их. Ну, а партийных тоже нету, ни одного коммуниста, начисто. Значит, должны заменить мы и коммунистов. А что у нас еще галстуков нету, так будут. И барабан тоже, и горн... К борьбе за дело Ленина будьте готовы!

— Всегда готовы! — еще недружно ответили тринадцать ребячьих голосов...

Домой в этот вечер Павка пришел позже обычного, раскрасневшийся, веселый. Папаха лохматая на

ухе, шубейка болтается, незастегнутая, неподпоясанная. С порога радостно крикнул:

— Матка! Я в пионеры записался!

— В пионеры? — испуганно оглянувшись, переспросила Татьяна Семеновна.— Молчи, сынко. Беды не наживи на нашу голову...

ОТЦОВО «БЛАГОСЛОВЕНИЕ»

Отец пришел поздно. Павка с Алешкой выучили домашние задания и сидели у камина, в котором ярко горело наколотое смолье. Такие камины, маленькие,

высокие, были устроены почти во всех герасимовских хатах для освещения: керосин экономили. Павка вслух читал свежий номер газеты «Всходы коммуны», а Лешка и семилетний Федюшка слушали. Тут же, на полу, возился четырехлетний Ромка.

Усталый и злой, Трофим Морозов бросил на кровать толстый брезентовый портфель, молча разделся. Молча сел на скамейку к камину и, завернув козью ножку, закурил. Глубоко затягиваясь горьким, ядовитым самосадом, он временами останавливал свой взгляд на Павке.

Павка читал, низко наклонив голову. Читал хорошо, с выражением. Чуть подрагивали темные густые ресницы.

Загасив выкуренную папиросу, отец тихо — Павке даже показалось, что дружелюбно,— сказал:

— Ты что же это, сынок... Опять у тебя новые выдумки?

— К-какие? — Павка уставился на отца большими широко открытыми глазами, неожиданно покраснел.

— В пионеры, говорят, записался?

Павка вздохнул с облегчением.

— Ага! Записался...

Отец неторопливо встал, шагнул к Павке и, размахнувшись, тяжело ударил его широкой ладонью по щеке. Павка упал. Алешка, Федя и четырехлетний Ромка в страхе шмыгнули кто на печку, кто на полати.

Трофим круто повернулся, пнул подвернувшуюся под ноги кошку и крикнул:

— Татьяна! Ужинать собирай!

Татьяна Семеновна взяла лучину, зажгла ее и послушно пошла в горницу.

За стол сели каждый на свое место. На углу при-

мостился Павка. Тревожно и сумрачно поглядывая на отца, он протянул руку, чтобы взять ломоть хлеба.

— Пионеров не кормлю! — рявкнул Трофим и снова замахнулся: — Вон, коммунист проклятый!

Павка быстро приклонился, вывернулся из-под отцовской руки и метнулся на кухню. В дверях столкнулся с матерью, вышиб из ее рук горячую сковородку; кипящее, расплавленное сало брызнуло ему на лицо и шею. Казалось, плеснули огнем. Жгучие струи поползли по шее за ворот и растекались по спине, Павка взвыл и присел от нестерпимой боли.

На следующее утро пришла бабка — старуха Морозиха. Павка считался ее любимцем. Высокая, сутулая, с крючковатым носом и глубоко посаженными под седые лохматые брови глазами, она долго молилась в передний угол, на почерневшую от времени икону, потом поздоровалась и села на табуретку рядом с кроватью Павки.

Низким, глуховатым голосом сердито спросила, не глядя на невестку:

— Чего это вы, Танька, с парнишкой-то сделали?

Татьяна Семеновна хотела скрыть правду. Склонившись над посудой, сказала:

— Вертоголов шибко. Сам налетел вчера, вышиб у меня из рук сковородку с салом.

— Ты кого это провести-то хочешь, Танька? — рассердилась старуха.— Все знаю сама. Трофимка погорячился, конечно, но и ты, Пашутка, храбр не в меру. Ох, неладно говорят про тебя в деревне, Паша! Дед услышал — руганью исходит. Кнутом драть, говорит, надо его, безбожника. И выдерет, знаешь его. Зачем это надо было тебе записываться в пионеры-то? Ведь вон Арся говорит, что пионер — это тот же коммунист. А Ева Сакова вчера рассказала, что они садятся за стол и даже лоб не перекрестят.

«Узнала, старая, все узнала,— думал Павка.— Напрасно матка пыталась скрыть». Не сказав ни слова, он стиснул зубы, повернулся лицом к стене.

...Ожоги на спине и шее превратились в язвы. Чуть пошевелишься — все тело сводит от жгучей боли. Приходится лежать и лежать.

Трое суток подряд большими хлопьями валил снег. А потом ветер завыл в трубе. Начался буран. За одну ночь нанесло сугробы выше прясел[1]. Только концы двойных колышков и видны из сугробов на стыках изгородей. В эти дни Павка с утра до вечера читал книги, которые приносили ему ребята. Словно наяву вставало перед ним прочитанное.

Вот десятки тысяч рабочих идут по холодным заснеженным улицам Питера с иконами, с хоругвями, с портретами царя. Они хотят только одного, чтобы вышел к ним царь Николай и выслушал их жалобы на хозяев-эксплуататоров. Впереди всех священник Гапон. Это он уверял рабочих, что царь-батюшка примет их, выслушает. Узнает правду об их житье-бытье — и горе будет их хозяевам от справедливого гнева государя.

Вот уже и площадь. Рабочие поют «Боже, царя храни». Вдруг — залпы. Толпа дрогнула. И побежали люди, не разбирая дороги, в страхе прячутся в подъездах, сбивают с ног, давят друг друга. Их топчут казаки конями, бьют нагайками. На площади остаются десятки и сотни трупов, раненых мужчин, женщин и детей. Кровь широкими пятнами расползается на свежем снегу...

Павка видел, видел все это и не мог читать дальше.

— Гадюка ен був, этот царь! — сердито сказал он, захлопывая книгу.

---

[1] *Прясло* — изгородь из жердей.

Когда Павка волновался, он торопился больше, чем обычно, и мешал русские слова с белорусскими.

— Что ты, сынок? — спросила мать, выходя из горницы.

— Так як же, матка! — и Павка подробно рассказал матери и братишкам страшную историю 9 января 1905 года.

В эти дни мать нежно ухаживала за ним: перевязывала раны, смазывала их медвежьим или барсучьим салом и мучила Павку расспросами:

— Не больно ли, сынок родненький?

Еще бы не больно! Но Павка терпел. Когда грязное, присохшее к телу полотенце отрывали от гнойных ран на спине и шее, он до крови кусал губы, бледнел, но не плакал.

Даже на мать обижался, если она не могла сдержать слез от жалости к сыну:

— Ну чего ты, матка, воешь, как наш Катай на луну? Ведь заживет уж, выздоровею...

Катай — это толстый, коротконогий пес, любимец Павки. Теперь его каждое утро впускали в избу. Он садился на соломенном коврике возле Павкиной кровати и, подняв вверх узкую вытянутую морду, как у лисички, стучал хвостом по полу и радостно взвизгивал.

Вечерами в хату вваливалась ватага Павкиных друзей — пионеров. Вместе или попеременке приходили к Павке два Яши — Коваленков и Юдов, Митя Прокопенко, Настя и Анютка Ермаковы. Они наперебой рассказывали обо всем, что случилось в школе, какие они получили задания на дом, приносили свежие номера пионерских газет, новые книги из избы-читальни.

Лежа на животе или на правом боку, Павка внимательно слушал ребят, записывал задания и частенько тут же выполнял их, чтобы с ребятами отправить учительнице. В газетах же он просматривал сначала

крупные заголовки, а как находил интересные очерки или фельетоны — читал вслух. Особенно любил он читать во «Всходах коммуны» веселые фельетоны Миши Ерша.

Ребята сидели до тех пор, пока не приходил отец Павла. Тот появлялся чаще всего уже в поздние сумерки. Он шумно вваливался в избу, окутанный клубами белого пара, угрюмо, с жесткой рыжеватой щетиной давно не бритой бороды на впалых щеках и подбородке, такой же, как и отец его, старик Морозов, худой и черный.

Молча, ни на кого не глядя, раздевался у порога, вешал на вбитый в стену толстый гвоздь дубленый полушубок с бараньим воротником и заячью шапку-ушанку. Потом, тяжело ступая по широким скрипучим половицам, проходил мимо Павкиной постели в горницу. Бросая на пионеров недружелюбный взгляд, ворчал:

— Опять пришли, пионеры сопливые!

Ребята смолкали. Не надевая шапок, на цыпочках выскальзывали из хаты...

НОЧНЫЕ ГОСТИ

Вот уже месяц валяется Павка. Раны заживают медленно.

Тоскливо в пустой полутемной избе. Мать куда-то ушла, братья бегают по улице. Шуршат за печкой тараканы, лениво воет в трубе ветер. Читать темно, и Павка, натянув поверх одеяла тулуп, лежит, уставившись в черную щель на потолочной доске.

Вьются, кружатся заколдованным хороводом невеселые трудные мысли.

Как же это все получается? Почему отец — председатель сельского Совета, единственный представитель

Советской власти в Герасимовке, бедняк — вместо того, чтобы похвалить Павку за то, что он стал пионером, избил его? Почему вот уже месяц мать не смеет при отце даже кормить Павку, лишь украдкой сует ему посоленный ломоть ржаного хлеба да луковку или вареную в мундире картошку? Почему отец и дед — оба бедняки — почти каждую ночь пируют в доме кулака дяди Арсения Кулуканова? Там каждый вечер рекой льется самогон, и далеко слышно, как «крупу толкут» — пляшут под цимбалы и скрипки. И с ними — семнадцатилетний Данилка, двоюродный брат Павки.

По вечерам в ворота Кулуканова стучатся какие-то бородачи в лаптях и худых овчинных тулупах. Кто они? Откуда? Толком никто не знает. Только ходят по деревне слухи, что это кулаки из поселка, расположенного в тайге, где-то километров за двадцать на север от Герасимовки.

И еще заметил Павка, что почти каждую ночь, очень поздно, отец приходит домой то с одним, то с двумя посетителями. Он не угощает их водкой. Посидят они в горнице, пошепчутся о чем-то, поспорят и через несколько минут шагают на цыпочках, чтобы не разбудить ребятишек. Уходят все вместе к Кулукановым.

Однажды вечером Павка сидел у камина, в котором ярко горело мелко нарубленное смолье. Он читал повесть Остроумова «Макар-следопыт» — рассказ о приключениях парнишки во время гражданской войны. На улице шумел буран. Ветер неистовствовал, он, казалось, пронизывал избу. Временами доносился вой голодной волчьей стаи, рыскавшей за гумнами. Катай, поджав под брюхо пушистый рыжий хвост, жалобно смотрел на Павку и беспокойно ворчал.

Отец пришел домой еще засветло. Он сидел у себя

в горнице, курил, щелкал на маленьких домашних счетах и что-то писал.

Павка встал, чтобы положить в камин смолья, подошел к двери горницы и, заглянув в щелку, замер. На столе, рядом с пятилинейной лампой-мигушкой, лежали толстые пачки денег. Одну из них отец пересчитывал. Руки его дрожали. Потом он начал торопливо заворачивать деньги в старую газету. Завязав их шнурком, как продавец в лавке завязывает покупки, уложил в сундук, обитый фигурчатыми полосками, и повернул большой ключ. Замок со звоном щелкнул, отец сунул ключ в карман пиджака и пошел на кухню.

Павка еле успел отскочить к камину и сесть на низенькую скамеечку.

Увидев сына, Трофим насторожился:

— Чего это ты не спишь долго?

— Буран вон какой, татка... Вот и топлю камин, чтоб ребята не замерзли на полатях,— простодушно ответил Павка, подкладывая в огонь мелко наколотые щепки от сосновых, пропитанных серой пней.

Отец ничего больше не сказал, надел шубу, шапку и ушел.

Павка долго не мог уснуть. «Откуда у него столько денег? Если сельсоветские, так почему хранит их дома? Если свои, так почему не дает матке, чтобы она купила чаю и сахару? И конфеток, может быть, хоть Феде с Ромкой. А то чай пьем из брусничника да моркови и без сахару, с паренками...»

А то, что Павка увидел в следующую ночь, совсем потрясло его. За одну эту ночь он повзрослел и словно вырос на голову.

А было так. Мать с ребятишками давно уже спала на полатях. Отец опять сидел в горнице, щелкал на счетах и что-то писал. Павка лежал в темноте на своей деревянной кровати и размышлял: «Вот лежу уже

больше месяца. В школе не бывал. Правда, Яша Коваленков каждый день приносит задания. Учу историю, географию, обществоведение. Но ведь все равно, как пойду в школу, трудно будет первые дни. А что, как Зоя Александровна неуд закатит? Стыдобушка перед пионерами, товарищ председатель совета отряда!»

Вдруг Павка услышал, как во дворе скрипнули задние ворота. У крыльца отчаянно с приступом залаял Катай.

Отец поспешно встал из-за стола, широко распахнул дверь горницы и, не одеваясь, выбежал в сени.

Вскоре он вернулся. Следом шли двое в скрипучих новеньких лаптях, с белыми от куржака бровями и бородами.

Отец приостановился у Павкиной кровати, прислушался, потом, последним переступив порог горницы, плотно закрыл за собой дверь.

Тихо-тихо, стараясь даже не дышать, Павка встал и на цыпочках подошел к двери.

Из горницы доносились приглушенные голоса. Павка прильнул к замочной скважине. Он услышал голос отца:

— Не рядитесь, добрые люди, цена у меня твердая — три червонца за штуку. Зато бумага исправная будет, и казенная печать на ней, сельсоветская. Кому ни предъявите, все увидят, что вы самые что ни на есть беднейшие крестьяне из деревни Герасимовки. Никакого подкопу... Давайте деньги-то...

За дверью зашелестели бумажки.

И тут ярко и жутко, как близкая молния, сверкнула у Павки догадка: это же отец справки о бедняцком положении кулакам продает! Тогда такие справки были в ходу, Павка не раз видел их. Так то справки для бедняков, а тут — кулакам, за деньги!

За дверью бормотали:

— Ну, спасибо тебе, хороший человек, выручаешь ты нашего брата... Спасибо, храни тебя господь.

— Не задерживайтесь, граждане, идемте провожу.

Павка метнулся к постели. У него не попадал зуб на зуб.

Отец ушел со своими гостями, наверное, к Кулуканову, давно проскрипели под окнами их шаги, а дрожь все не отпускала Павку. Горячечно метались мысли, и смотрели, все смотрели в черную ночь его широко открытые глаза.

«Кто же он, мой отец,— думал Павка,— представитель Советской власти или враг ее лютый?.. Выходит, враг».

Он представил себе, как в большой прекрасный советский мир выходят из герасимовского урмана озверевшие кулаки, чтобы стрелять в коммунистов, убивать, зорить хозяйство в колхозах. И не узнают их, не поймают: ведь у них есть обманные справки, выданные его отцом.

«Отцом! Да какой же он после этого отец мне! Враг он, враг! Что же делать? Как в таком случае поступает пионер?» О таком Павка нигде не слышал, не читал.

Решать надо было самому.

«А что, если встать сейчас, пойти к Кулукановым и сказать, что я все слышал, все знаю? Нет, нельзя. Дыхнуть не дадут, распотрошат, как куренка. Что же тогда... промолчать? Какой же я буду пионер, если стану прикрывать врагов Советской власти! Так что же делать? Что мне делать?»

Татьяна Семеновна проснулась, услышав чей-то плач. Она прислушалась. Всхлипывал Павка.

— Павлуша, о чем ты? Что с тобой, сынко? — она стала на колени у его кровати.

— Рану во сне разбередил,— глухо сказал Пав-

ка.— Больно очень... Ну чего ты слезла? Холодный пол-то. Простудиться охота? Иди спи, матка, спи. Я тоже спать хочу.

Татьяна Семеновна послушно залезла на полати, но уснуть долго не могла. Трудно было поверить, что Павка, ее Павка, который ни слезинки не выронил при перевязках, когда сдирала она тряпки с пузырей от ожогов, заплакал сейчас от боли. Чутким материнским сердцем поняла она, что плакал он от большого горя и не во сне...

На следующий день Павка до вечера не вставал с постели, не разговаривал, даже не читал. Он лежал на спине, заложив руки под голову, смотрел в потолок и молчал. Лишь временами Татьяна Семеновна слышала, как тяжело, совсем не по-детски вздыхает ее сын.

Чуть оживился Павка, когда пришли ребята. Они болтали о школьных новостях, о драке, учиненной Кузькой Силиным, о неудах, которые понаставила сегодня Зоя Александровна.— А ты когда в школу-то придешь, Павелко? — спросила Анютка Ермакова.

— Ты что, соскучилась обо мне, курносая? — усмехнулся Павка.

Анютка сердито шмыгнула носом и выкрикнула:

— Жалко ведь тебя! Председатель наш пионерский — и вдруг неуспевающим будешь!

— Не буду, Анютка. Уж постараюсь. А в школу пока нельзя — болячки никак не заживают.

— Ничего, Павка, не горюй, поможем,— солидно сказал Яша Коваленков.— Ох, засиделись мы. Мне за таткой бежать, в сельсовет его вызывают. Знаешь, там приехал один из Тавды. Военный. С наганом. Товарищ Кучин. Ох, и бегают твой отец и все сельсоветчики. Хлеб трясут с Кулуканова, с Евы Саковой...

Глаза у Павки заблестели:

— Военный? Надолго он к нам?

— Да нет, дня на три. Ну, ладно, Павка, я побегу.

— Беги, беги... Вот что, Анютка,— Павка уже не усмехался,— с завтрашнего дня не пропущу ни одного урока.

— Ой, Павелко, да как это! Нельзя ведь тебе.

— Ничего, Анютка, можно... Надо!

ПУТИ К ОТСТУПЛЕНИЮ НЕТ

Павка пришел в школу в своей обычной старенькой шубейке, в лохматой, сползающей на уши отцовой папахе. С непривычки промерз. Прислонился к жарко натопленной печи, шутил:

— Вы ко мне не притрагивайтесь, я — язвенный.

А сам ежился и молча корчился, когда приходилось неосторожно повернуться на чей-нибудь зов: раны очень давали знать о себе.

Озабоченная Анютка Ермакова после уроков подошла к нему:

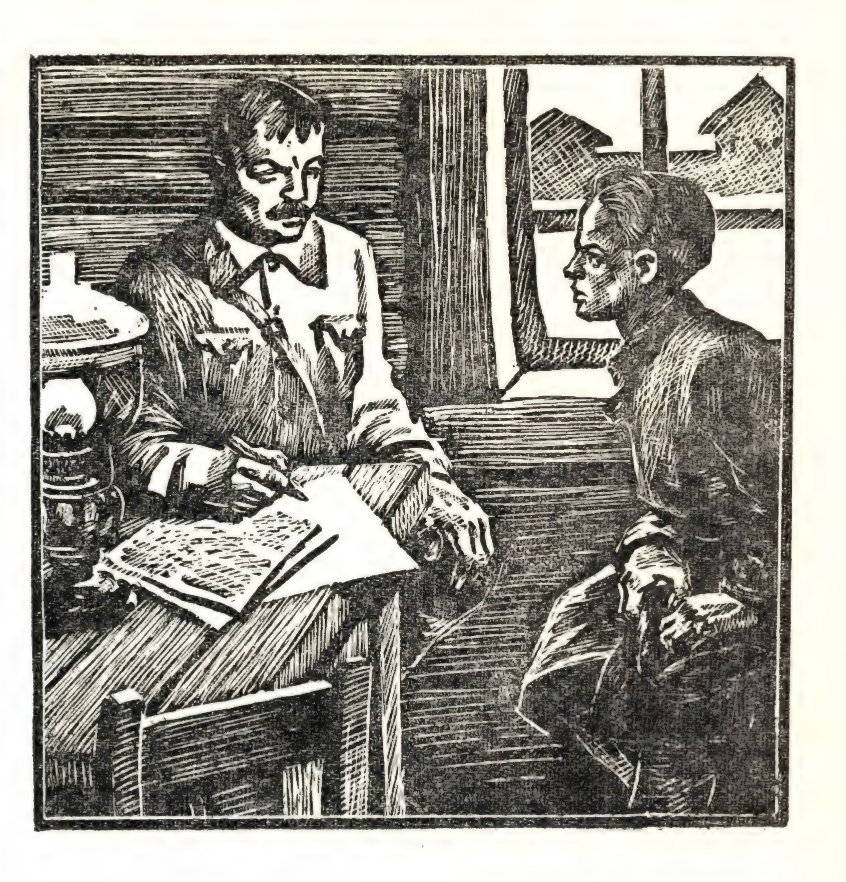
— Павелко, может, тебя довести до дому-то? Больно ведь тебе, вижу.

Павел снисходительно улыбнулся:

— Ты скажешь — «довести»! Что я, маленький? Спасибо, не надо. Да и задержаться мне нужно, книжечку одну тут посмотреть.

Павка хитрил. Никакую книжечку смотреть ему не надо было. Он лишь для вида листал ее, с беспокойством и ожиданием посматривая в окно. Увидев наконец, что отец вышел из сельсовета и направился к дому, Павка быстро оделся и выбежал на улицу.

В сельсовете за председательским столом, задумавшись, сидел человек в военном. На его бледном лице резко выделялись широкие черные брови и редковатые, тронутые сединой усики.

— Здравствуйте, дяденька,— сказал, входя в знакомую комнату, Павка и стянул с головы папаху.

— Здорово, коли не врешь,— ответил человек и так весело улыбнулся, что Павкино скуластое лицо тоже расплылось в улыбке.— Что скажешь, молодой человек?

— Вы, дяденька, Кучин?

— Кучин,— подтвердил военный,— уполномоченный райкома.

— А вы коммунист, дяденька?

— Обязательно коммунист,— ответил Кучин и внимательно, словно догадываясь о чем-то, взглянул на мальчишку.— Да ты садись, брат, рассказывай...

Павка зачем-то оглянулся, подошел к окну, посмотрел на улицу, во двор и только после этого осторожно присел на скрипучую табуретку.

— Я расскажу вам, дяденька, а там... делайте со мной, что хотите.

Волнуясь, рассказывал Павка обо всем, что узнал и что передумал за дни болезни: о пьянках у Арсения Кулуканова, о таинственных гостях из спецпоселков, которые приходят к отцу почти каждую ночь, о толстых пачках червонцев, полученных отцом с кулаков за справки о бедняцком положении.

Кучин слушал внимательно. Часто переспрашивал, уточнял, записывая что-то в свой блокнот. Останавливал Павку:

— Да ты не торопись, парень. Спокойно рассказывай. Лучше тогда и разберемся с тобой...

Когда Павка закончил рассказывать, Кучин задумчиво спросил:

— Сколько годков тебе?

— Тринадцать уже,— для солидности прибавил Павка несколько месяцев.

— Ты пионер, товарищ Морозов?

— Председатель совета отряда! — с гордостью ответил он.— Только...

— Что только?

— Только болел я. Больше месяца...

— Постой, постой,— перебил его Кучин,— так это тебя отец бил и... салом обварил?

— Меня. Только салом я сам, нечаянно.

— Ясно.

Кучин встал. Походил немножко. Потом поставил свою табуретку рядом с Павкиной.

— А ты, председатель, язык умеешь держать за зубами?

— Умею! — твердо сказал Павка и почувствовал, как забилось отчего-то сердце.

— Добро! Договоримся, значит. Во-первых, мы с тобой будто что незнакомы. Ты сейчас приходил не ко мне, а к отцу. А я даже не знаю, что ты сын Трофима Морозова. Во-вторых, ты со мной не разговаривал, спросил только, не знаю ли я, куда ушел отец. Понятно? И если ты увидишь меня даже у вас дома — будто впервые видишь меня. Ясно?

— Ясно, — ответил Павка, хотя, честно говоря, далеко не все было ему ясно.

Он понял пока только то, что нет ему пути к отступлению. Что сейчас встал вопрос: «или — или». Или отец узнает, что Павка рассказал обо всем Кучину, и убьет его. Или Кучин арестует отца. Значит, отца арестуют потому, что его сын донес на него? А как же должен поступить этот сын, если он пионер и если понял, что Трофим Морозов не только безвольный пьяница, но и враг Советской власти, способный за тридцать рублей продать ее любому кулаку?

Наутро, по дороге в школу, Павка, проходя мимо двора Кулукановых, услышал какой-то разговор. Он притаился у ворот. Данилка рассказывал дяде Арсению и деду:

— Говорит, что ночью нарочный приезжал за ним. Требует, чтобы Трофим дал ему подводу в Тавду.

— Ну, слава тебе, господи, — проскрипел дед Мороз.

— Может, отдохнет Трофимка хоть с недельку от этого дьявола, — сказал Арсений и строго добавил: — А ты, Данилша, захвати дружка своего Ефрема Шатракова и валяй сегодня на целый день в читалку. Играйте там в пешки да слушайте, о чем будут говорить. Может, осодмильцы-то — Ванька Потупчик да

Прошка Варыгин — что-нибудь интересное для нас выболтают. А ты слушай да на ус мотай. Вечером расскажешь.

Кучин уехал.

Еще трое суток прошли для Павки, как в тумане. Дома все шло по-старому. Отец утром вставал опухший, с красными, как у чебака, глазами, опохмелялся и уходил в сельский Совет. А вечером снова был беспрерывный праздник у Кулукановых, откуда отец приходил по два-три раза в ночь все с новыми и новыми гостями.

На четвертые сутки, в глухую полночь, залаял Катай. Отец только что проводил двух гостей и, вернувшись в горницу, пересчитывал полученные от них деньги. Услышав лай собаки, он тенью промелькнул мимо Павкиной кровати в сени.

— Еще куркулей черт несет,— ворчал он себе под нос.

Павка, прикрывшись одеялом с головой, видел в узенькую щель, что вслед за отцом вошли двое бородачей. В огромных лаптях, в потрепанных, закуржавевших от мороза азямах из домотканого сукна.

— Доброго здоровьичка, Трофим Сергеевич,— по-украински, мягко произнося букву «г», сказал один, входя в горницу. Оба старика сняли шапки и начали молиться в передний угол.

Павка замер у дверной щели. Отец надписывал справки. Получив по тридцатке с человека, Трофим Сергеевич похвастал:

— Вон их сколько заготовлено, справок-то. Пусть приходит с вашего поселка хоть сотня куркулей, всех в бедняков переделаю. За тридцатку с рыла...

— Спасибочко вам, Трофим Сергеевич,— низко кланяясь, густым басом сказал один,— хоть и обидно малость, что дешево ценишь ты нашего брата.

— Ведь за тридцать сребреников Иуда Искариот господа нашего Иисуса Христа предал,— мягким тенорком пропел другой.

Тут они взглянули друг на друга и, как по команде, сорвали с себя парики.

— Ты арестован, Трофим Сергеевич Морозов,— услышал Павка знакомый голос Кучина.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Два месяца сидел Трофим Морозов в тагильской тюрьме. Похудевший, оборванный, грязный появился он в Герасимовке. От Тавды шел пешком, под конвоем двух милиционеров. В сельском Совете его под расписку отпустили повидаться с родными, помыться в бане.

В свою избу Трофим даже не заглянул, прошел мимо — к отцу своему, старику Сергею Морозову. Морозиха побежала топить баню, а Данилка — таскать воду. Пока топилась баня, старуха замесила тесто. Вместе с дочерью своей Химой Кулукановой она настряпала три листа мясных пельменей.

Когда Трофим вернулся из бани, на скамейке, у стола, его уже ждал зять — Арсений Кулуканов. Они сидели со стариком Морозом, дымили самосадом, вполголоса беседовали. На столе, покрытом засаленной, порванной клеенкой, стояли две бутылки еще теплого самогона, тарелки с пирогами и крупно нарезанными кусками свиного сала. Арсений Кулуканов ходил к бедным родственникам со своей выпивкой и закуской.

Трофим с багрово-красным лицом и впалыми побритыми щеками разделся, по ручке поздоровался с Арсением и с Химой и молча выпил поставленную перед ним чайную чашку самогона. Крякнув, закусил салом.

— Хорошо! — похвалил он и, завернув толстую козью ножку, с удовольствием затянулся.— Ох и соскучился по всему этому добру,— сказал он и, отвечая на молчаливый вопрос зятя, продолжал: — Пришлось помотать вожжей на кулак. Два месяца водил следователей за нос. Сознался только на очной ставке с этим... с Кучиным. Ведь ему я попал как самый последний дурак. Они, подлецы такие, бороды себе нацепили, такие лаптищи на себя напялили, что мне и в ум не пало, что это не твои приятели из спецпоселка.

— Так, значит, тогда тебя Кучин и арестовал? — переспросил Арсений.

— Ну, конечно! Ведь я им с дружком продал по справке, да еще и похвастал: пусть, мол, приходит ко мне хоть полсотни куркулей — всех на бедняков переделаю; по тридцатке с носа.

— Дурак! — взвизгнул старик Мороз.— Мальчишка!

— Я это и говорю... Но после времени руками не машут. Следствие закончено. Послезавтра судить меня будут, показательным судом. На глазах всего народа, которым я управлял...

— ...который ты облапошивал,— усмехнулся Кулуканов и налил в чашку самогона.— Пей.

— А ты, сынко, с судьей не спорь и с тюрьмой не вздорь! — учил старик Морозов.— Ведь оно что раньше, то и теперь — с богатым не тягайся, с сильным не борись. Не сумел выкрутиться — в тюрьму садись. Пей сегодня, сынко, досыта, а завтра — куда кривая вывезет...

Скрюченными, обросшими седоватым волосом пальцами старик держал наполненную мутноватой жидкостью чайную чашку. Длинные, стриженные «под горшок», наполовину седые волосы закрывали не только широкий лоб, но и черные лохматые брови,

сросшиеся над длинным горбатым носом. Ворот самотканой красной косоворотки был расстегнут. Из-под него виднелся потемневший от времени медный крестик на гайтане [1].

Все трое выпили. Закусили. На шестке уже кипела чугунка с водой. Хима спускала в нее пельмени.

— Как ты думаешь, Троша, откуда мог узнать Кучин?

— Не знаю. Донес кто-нибудь. Следователь предъявил десятка три моих справок. С ними некоторых куркулей поймали на Украине, на Кубани, в Магнитогорске.

Кулуканов задумчиво почесал бороду.

— Ныне у нас новый председатель. Приезжий. Новая метла чисто метет. Вот и меня вымела из активистов. Всем нам: Еве Саковой, мне, Арсюхе Силину, Ивану Кусакову — дали твердое задание по хлебозаготовкам.

Трофим скривил губы.

— Ну что же, это правильно! Ведь рано или поздно и мне бы пришлось это сделать.

— Но, ты, каторжник! — прищурив заплывшие жиром глаза, прошипел Кулуканов.— Не забывай, что и сегодня ты пьешь еще мой самогон, закусываешь моим салом, а сейчас будешь есть мои пельмени.

Трофим с ненавистью взглянул на одутловатое лицо зятя. Кулуканова он, в сущности, никогда не любил и сейчас хотел сказать все, что о нем думал. Ведь Кулуканов же его на это дело, со справками, подбил. Хотел сказать, но не успел. Хлопнула дверь. Из облака пара раздался звонкий мальчишеский голос.

— Здравствуйте!

Все повернули головы к дверям. У порога стоял

---

[1] *Гайтан* — шнурок для ношения нательного крестика.

Павка. Смущенно улыбаясь, он мял в руках большую отцовскую папаху.

— Здорово, сынок! —протянул ему руку Трофим.

— Отца проведать пришел, Пашка? Ну так проходи, поешь вот пельменей,— пригласила бабка.

— Пришел,— усмехнувшись, ответил Павка.— Не идет к нам татка, так я пришел к нему.

— Ну как живете без меня? — спросил Трофим.

— А ничего, живем. Хлеб жуем. Кусочек солью посолим, поджарим да едим. Шибко вкусно,— бойко отчеканил Павка слышанную где-то поговорку.

Наступило неловкое молчание. Дед барабанил скрюченными пальцами по столу. Трофим посмотрел на Павку долгим хмельным взглядом и спросил:

— А это не ты, сынок, характеристику писал на меня в гепеу? — У Трофима задергалась от нервного тика левая бровь.

— Нет, татка,— спокойно ответил Павлик,— в гепеу не писал.

— Может, мать? — впился в него отец злыми помутневшими от самогона глазами.— То-то грамоте ты ее учишь.

Павка начинал злиться. Вот, появился в деревне и сразу же с Кулукановым самогон хлестать, к маме придираться... Ответил, с трудом сдерживаясь:

— Ты же знаешь, что она умеет пока еле-еле расписываться.

Трофим тяжело повернулся к Кулуканову.

— Кучин после меня у них был?

— Был.

— Что спрашивал?

— Ничего,— ответил Павка.— Только открыл сундук твой, пересчитал все деньги и бумаги, составил акт.

— А ты говорил ему что-нибудь?

— Говорил,— жестко сказал Павка и посмотрел отцу прямо в глаза.— Я рассказал ему всю правду... еще до твоего ареста.

— Что-о?!!

— Какую такую правду? — приподнялся со скамьи дед.

— А ту самую, за которую арестовал отца товарищ Кучин,— сверкнул Павка потемневшими глазами.— Ту, за которую судить его будут послезавтра...

Трофим вдруг съежился, закрыл лицо руками. Пьяные слезы брызнули сквозь худые длинные пальцы. Старик Мороз сорвался с места. Сжимая в кула-

ки скрюченные узловатые пальцы, пошатываясь, шагнул к Павке.

— Съел отца, мошенник,— взвизгнул он и со всего размаху ударил внука по щеке.

Павка стукнулся затылком о косяк двери. Ему было очень больно, но он не заревел. Только спросил:

— За что бьешь, дедо?

— За то, что сгубил ты, паразит, сына моего, Трошку, отца своего родного! — кричал по-бабьи тоненьким голосом рассвирепевший Сергей Мороз, вырываясь из рук Арсения Кулуканова.

Павка выбежал на улицу. В ограде натянул папаху, подбежал к окну, крикнул:

— Тебя затем, татка, выпустили, чтобы самогон лакать да меня убивать? — И, потирая затылок, пошел по узкой тропинке к своей хате.

— Что это ты, Павка, чумной какой? — удивленно спросил его Данилка, шедший навстречу с Ефремом Шатраковым.

— Дедко по роже съездил,— ответил Павка.

— За что?

— За татку.

— А где он, твой татка?

— У вас сидят с дедом и дядей Арсением, самогон лакают, пельмени едят.

— Ну, тогда и я пойду. Авось перепадет стаканчик кулукановского первача...

ТРИНАДЦАТИЛЕТНИЙ ОБВИНИТЕЛЬ

Трофима Морозова судили в школе — самом большом здании в Герасимовке. Никогда еще не собиралось здесь так много народу. На показательный процесс приехали крестьяне из всех деревень Герасимовского сельсовета. Люди плотной многоголовой массой

сидели и стояли не только в классе, где проводилось судебное заседание, но и в коридорах и даже в холодных сенях. Они тяжело дышали друг другу в затылки, курили, кашляли, требовали тишины.

— Вызовите свидетеля Павла Морозова,— попросил судья.

Комендант с трудом протиснулся к двери и выкрикнул:

— Свидетель Павел Морозов!

В зале все затихли. Сквозь толпу пробирался Павка. Он подошел к столу, высокий, с поднятой головой, снял лохматую отцовскую папаху.

— Свидетель Павел Трофимович Морозов? — не отрывая глаз от бумаг, спросил судья.

— Я Павел Трофимович Морозов,— звонкой скороговоркой ответил Павка.

Судья поднял голову.

— Сколько вам лет?

— Тринадцать.

На этот раз Павка не преувеличил: ведь он родился в декабре 1918 года.

— Какие родственные отношения у вас с подсудимым Трофимом Морозовым?

— Так это же мой татка!

Судья впервые за время процесса улыбнулся.

— Ну, а что ты можешь рассказать о своем татке? — уже без судейской напускной строгости, тепло спросил он.

Павка волновался. Переступая с ноги на ногу, он оглядывался на публику. Вот сидят дружки его, пионеры. Вон дед с бабкой, дядя Арсений с тетей Химой — все смотрят на него в ожидании. На скамье подсудимых сидит отец, хмурый, бледный, скуластый.

Павка пригладил рукой непокорные волосы и начал говорить, запинаясь:

— Дяденьки судьи! Это я рассказал товарищу Кучину всю правду о преступлении тат... Трофима Морозова... моего отца... Мой отец помогал кулакам, врагам Советской власти. Он не защитник, а предатель народа, крестьян. Как пионер, я... Ну скажите, разве мог я скрывать правду? Ведь он пропил свою совесть. За деньги продавал куркулям справки о том, что они будто бы бедняки.

— Неправда! Он взрослыми научен! — крикнул отец, вставая с места.

— Сядьте, подсудимый, и не перебивайте! — строго предупредил судья.

— Научен, говоришь? — взглянул на отца Павка.— Кто же это научил меня? Мать? Так я сам учу и не могу научить ее грамоте, потому что от твоих побоев голова у нее болит. Может быть, дед? Так он вчера на твоих глазах учил меня кулаком — вон синяк какой под глазом оставил... Дяденьки судьи! — повернулся Павка к столу.

Его глаза блестели. Голос окреп. Что-то почти грозное зазвучало в нем, и в комнате стало тихо-тихо.

— Не как сын, как пионер, я требую привлечь моего отца Трофима Морозова к суровому ответу, чтобы не дать повадку другим потворствовать кулакам, врагам колхозов, врагам большевиков и Советской власти.

...Суд приговорил бывшего председателя Герасимовского сельсовета Трофима Сергеевича Морозова к десяти годам тюремного заключения со строгой изоляцией.

БЕЗ ОТЦА

Добрую неделю после суда в каждой хате только и говорили, что о выступлении Павки. Одни хвалили его, другие хаяли.

Всегда пьяный старик Мороз ходил пошатываясь, визгливо кричал на всю улицу:

— Щенок! Опозорил мою фамилию! Последние времена пришли, граждане. Брат на брата, сын на отца...

Он жаловался на внука своего, Павку, всюду, где находился хотя бы один слушатель.

— Молодец! Упрям, как молодой бычок,— басил старик Давыд Парфенов.

— Смел, ничего не скажешь, и справедлив,— вторил ему, посасывая свою трубочку, Николай Гудимчик.— Заткнул за пояс нашего брата, стариков. По-партийному сделал, по-советски. Ведь как сказал-то: «Я, говорит, не как сын, а как пионер требую...»

— Нет, что ни говори, а он идейный, Пашуха-то,— сказал Фома Лосев.

Трудно установить, кто первый назвал его так, но вскоре после суда не только герасимовцы, но и жители других деревень — все стали позаочь называть Павку «Павкой-коммунистом».

Что ж, таким прозвищем мог гордиться любой пионер. А Павка — и пионер-то пока без году неделя. И только лишь мечтал, как его пионеры пойдут строем по широкой и длинной улице Герасимовки. Впереди — Яша Юдов с пионерским горном и Яша Коваленков с барабаном. Он, Павка, командует: «Ать! Два! В ногу!» А на шее у каждого — красный галстук.

Нелегко пришлось Павке этой зимой. После болезни пришлось наверстывать пропущенное. Две недели оставался после уроков в школе и занимался. Прибавилось работы и дома. Ведь Павка был самым старшим из четверых братьев, и все заботы по хозяйству легли на его плечи. Вставал он на рассвете и в любую погоду — в мороз, в метель — шел управляться со скотиной: надо было надавать корму лошади, корове, на-

поить их, вычистить конюшню от навоза, натаскать из колодца воды.

Только после этого Павка завтракал вместе с ребятами, и они с Алешкой бежали в школу.

А вечером надо было наколоть и натаскать в избу дров.

Отец не заготовил ни дров, ни сена. В воскресенье, на рассвете, Павка запрягал Бусуху и отправлялся за сеном или за дровами в урман. А вечером, въезжая в ограду, с болью в сердце выслушивал визгливую ругань деда:

— Хо! Хозяин! Посадил отца-то в тюрьму, коммунист проклятый, гни теперь горб-то на орду, батрачь на матку свою...

Вечерами Павка часто возился с братишками. Особенно любил он Федю, черноволосого, с большими темно-карими глазами, семилетнего парнишку. Бывало, сядет Павка у камина или железной печки, Федюшка — тут как тут, пристроится сбоку и просит так ласково:

— Расскажи, братко, сказку.

А если Павка молчит, читает про себя какую-нибудь книгу, Федюшка канючит:

— Ну, читай вслух. Нам тоже охота послушать.

— Да не сказка ведь это, неинтересно вам слушать будет.

— Нет, интересно! Интересно,—просил Федюшка, и столько любопытства было в его глазах, что отказать ему не хватало решимости. Павка закрывал книжку и брал свежий номер юмористического журнала «Лапоть».

— Посмеемся, ребята? — спрашивал он.

— Посмеемся! — хором кричали Алешка, Федюшка и Ромка и садились у ног Павки на пол.

Павка любил посмеяться.

А рассказы и стихи из «Лаптя» читал так, что не только ребятишки, а и мать покатывалась со смеху.

А четырехлетний белобрысый Ромка громко хохотал и выкрикивал:

— Ой, как смесьно! А дальсе? — и таращил на Павку зеленоватые, раскосые, как у зайчонка, глаза.

Алешку Павка недолюбливал, хотя каждое утро уходил с ним в школу, вместе они возвращались, а дома за одним столом выполнял домашние задания.

Алешке было уже десять лет. А в пионеры его ничем не заманишь. Сколько разговоров с ним было на эту тему у Павки. Ведь стыдно ему, председателю совета отряда, что его родной брат — и не пионер. Как же тогда вовлекать в отряд других ребят?

Характером Алешка был, как и Павка, упрям и несговорчив. Что задумает — сделает. На доводы Павки он неизменно отвечал:

— Ты меня не агитировай! Сказал не пойду в пионеры — и не пойду.

— Почему? Ну скажи! — горячился Павка.

— Да неохота мне. Понятно?

Это упрямство брата выводило Павку из себя. Он начинал ругаться, грозился, что если Алешка завтра не вступит в отряд, то он, Павка, побьет его.

— Ну и попробуй! — такой же, что и Павка, скороговоркой отвечал Алешка.— Только,— тут он ехидно улыбался,— пионеры-то разве дерутся?..

НОВАЯ ПЕСНЯ

В январе ударили пятидесятиградусные морозы. В избах день и ночь не переставали топить печки. Правда, такие старики, как Давыд Парфенов и Николай Гудимчик, ворчали:

— Ну, якие це морозы... Вот в девятьсот десятом году был мороз — птахи на лету гибли. То был мороз...

В школу с каждым днем приходило все меньше учеников. У одних не было теплого пальтишка, у других — валенок.

Павка с грустью наблюдал за своим отрядом. Ничем пионеры не отличались от остальных ребят.

Притихший было Кузька Силин и его дружки не давали пионерам проходу, девчонок дергали за косички, мальчишек лупили. Всюду распевали они свою песенку:

Пионеры-лодыри,
Отца и бога продали,
А на галстуки-то нет
Ни ситцов и ни монет...

Нетрудно было понять, в чей огород летят камни. Но Павка терпеливо переносил насмешки. Очень было обидно, что число сторонников Кузьки с каждым днем увеличивалось.

«Что бы такое сделать? — думал Павка.— Ну почему в других школах,— вон пишут же в газетах,— так интересно ведут пионерскую работу, а у нас последние пионеры вот-вот разбегутся...»

В первый же день после зимних каникул он объявил:

— Пионеры остаются сегодня после уроков на сбор отряда.

— Паша! Ты же знаешь, что мне некогда,— с упреком взглянула на него Зоя Александровна.

Павка опустил голову. Да, он знал, что Зое Александровне очень некогда и трудно. В дни каникул, натерпевшись лишений, угроз и страхов, сбежали из школы две учительницы. Зоя Александровна Кабина осталась одна — и заведующей школой, и учительницей во всех четырех группах, и пионерской вожатой — одна семнадцатилетняя комсомолка на сто учеников.

— Знаю, Зоя Александровна,— Павка поднял го-

лову.— А сбор все равно надо провести. Разрешите, я без вас проведу?

— Ну что же, проводи...

Но после уроков остались только восемь пионеров.

— Яша! Куда же вы? — удивился Павлик, заметив, что Яша Юдов и еще три паренька демонстративно встали и пошли к выходу.

— На кудыкино болото. Галстуки пионерские собирать да пионерам нос утирать,— усмехнулся Яша.

— Выходите, значит, из пионеров? — сжимая кулаки, двинулся на него Павка.

— Поищи в другом месте еще таких дураков, которые бога забывают да отцов на север ссылают! — крикнул Яшка и бросил Павке свернутую треугольником бумажку: — Это на сборе прочитайте, авось ума прибавится.

Яшка с дружками выбежал во двор. Там встретил их Кузька Силин.

— Нашего полку прибыло! — кричал он так, что слышно было сквозь двойные рамы в окнах.

Павка бросился было к двери. Догнать Яшку, сбить его с ног. Но... «пионеры разве дерутся?» — вспомнил он ехидный Алешкин вопрос и чуть не рассмеялся.

Оставшиеся члены отряда сидели на своих местах, насупившиеся, сумрачные.

— Ну что,— сказал Павка,— начнем. Поговорить надо. Больше месяца не было у нас сбора. Это по моей вине. Я болел. А потом — каникулы. А теперь вот пионеров-то вдвое меньше стало.— Он помолчал.— Чем нам сейчас заняться? Вот я думал, надо помочь сельсовету хлебозаготовки выполнить. А как? Посоветоваться бы с Зоей Александровной... Правда, новый сельсовет прижал хвост кулакам. Ева Сакова, дядя Кулукан, владимировские и кулоховские кулаки полу-

чили твердые задания. Но что они сейчас делают, эти твердозаданцы?

— Хлебушко свой в ямки зарывают! — крикнула голубоглазая Настя Ермакова.

— Правильно Настя говорит,— подтвердил Павка.— А почему хлеб прячут? Да потому, что председатель сельсовета новый, приезжий. Никто ему не помогает. Мы с вами знаем, наверное, все кулацкие ямки. А молчим. Как воды в рот набрали.

— А что же мы должны делать? — спросил Яша Коваленков.

— А вот хоть ямки показывать. Узнал, где хлеб зарывают, приметил — сообщай мне или прямо председателю сельсовета. Вот тогда мы будем настоящими пионерами.

— А сейчас мы разве не настоящие? — спросила курносая сестренка Насти — Анютка Ермакова.

— Пока нет,— с грустью ответил Павка.— Настоящими будем тогда, когда и в школе, и в семье, и на улице покажем большевистский пример всем остальным. Ведь у нас в деревне как? Комсомольцев у нас нету, только Зоя Александровна. Коммунистов вовсе нету.

— А ты-то разве не коммунист? — спросил Тимошка Юдов, и все засмеялись.

— Нет, Тимошка, видишь, ребята даже смеются. Какой я коммунист? Это меня понарошке зовут. А вот вырасту, в комсомол вступлю, потом в партию. И вы все тоже... Но раз коммунистов пока нет, кто их заменить может? А пионеры могут, мы!

Хоть и смеялись сейчас ребята, а сами на Павку поглядывали с уважением. Конечно, такой же, как и они, парнишка. Но ведь рассуждает-то, и верно, как коммунист. И отчаянный — не боится никого и ничего. Он в Герасимовке — единственный человек, кото-

рый, заходя в избу, никогда не перекрестится, не помолится на икону, а просто поздоровается — и все. Другие так не могут, боятся.

После сбора к Павке подошел Миша Книга.

— Отлупят меня сегодня дома.

— Это почему?

— Я сегодня дотемна должен был девять раз переписать «святое» письмо, а вечером разнести...

— Какое «святое» письмо? Почему это пионер должен переписывать и распространять его? — нахмурился Павка.

— Я не хотел. Сказал матке, что не буду, а она влепила мне затрещину. Хочешь жить, кричит, так перепишешь, безбожник проклятый.

— Ну, ладно. Ты скажи ей, перепишу, мол,— посоветовал Павка,— а письмо это отдай мне.

— А тебе что Яшка Юдов написал?

Только тут Павка вспомнил про Яшкино письмо, вытащил его из кармана и, пробежав глазами, усмехнулся:

— Не нужно, Миша, твое «святое» письмо. Мне Яша уже подсунул такое. Угрожают, что все пионеры-безбожники будут убиты, а их души будут вечно гореть в геенне огненной. А меня, если я не напишу девять экземпляров и не раздам тайно девяти соседям, ожидает большое горе и несчастье.— Павка разорвал письмо на мелкие клочки.

— Все ясно,— сказала Настя Ермакова.— Такое же письмо сегодня мы нашли в сенках. У Евы Саковой монашка ночевала. От нее эти письма. То, которое мы нашли, писал Петька Саков. Это его почерк.

Ребята гурьбою вышли на улицу. Было уже темно. На небе из-за высоких сосен выкатывался огромный диск луны. Сильно морозило. От холода трещали стены домов. Тимошка плюнул — слюна застыла, не доле-

тев до снега. Через минуту воротники, шапки, брови и ресницы у ребят побелели от куржака. Мороз был за пятьдесят градусов.

Но Павке почему-то хотелось петь песни или шутить.

— Тимошка! — крикнул он.— Скажи моей кобыле «тпру».

Тимошка сложил губы бантиком и добросовестно пытался выговорить «тпру», а выходило у него только «т-у-у».

Все смеялись...

Вместо сбежавших в январские каникулы приехали новые учительницы, окончившие педагогический техникум,— Анна Ивановна Григорьева и Клавдия Ивановна Прозорова, обе комсомолки.

В школе стало интересней. Зоя Александровна теперь была только заведующей школой и вожатой пионерского отряда. Ей помогали Анна Ивановна и Клавдия Ивановна.

А у Павки дела шли худо. Домашнее хозяйство отнимало у него уйму времени. Вот опять три дня не был в школе. На четвертый, до света управившись со скотиной, в школу пришел рано. Там не было еще ни души. Павка сбросил шубенку и папаху, погрелся у раскаленной печки, зажег лампу и сел решать задачи.

За решением пятой задачи и застала его Зоя Александровна.

— Что же это ты, товарищ председатель совета отряда, опять три дня прогулял? — сердито спросила она.

— Лошадь и корову кормить нечем было, сено возил,— виновато опустил голову Павлик.— Я догоню, Зоя Александровна, не беспокойтесь.

— Да я не беспокоюсь, Павлик,— смягчившись, улыбнулась учительница.— Только ведь на тебя смотрят по-особому. Ты пример должен показывать...

В перемену ребята видели, что Павка о чем-то шепчется с Анной Ивановной Григорьевой. После уроков он сказал:

— Ребята! Хотите песню новую? Пионерскую. Оставайтесь — разучим.

Тут и стало понятным, о чем договаривался он с новой учительницей. Анна Ивановна, присев у окна, начала диктовать текст:

Мы шли сквозь грохот канонады,
Мы смерти смотрели в лицо.
Вперед продвигались отряды
Спартаковцев, смелых бойцов.
Средь нас был юный барабанщик,
В атаках он шел впереди
С веселым другом барабаном,
С огнем большевистским в груди.

— Это песня немецкой коммунистической молодежи,— пояснила Анна Ивановна.— Спартаковцы — члены «Союза Спартака», предшественники немецких коммунистов. А сейчас эту песню поют все пионеры нашей страны. Вот и мы запоем. Давайте за мной.

Она запела чистым, ясным голосом, и сначала несмело, потом все дружнее вплетались в хор ребячьи голоса.

Песня была грустная. Заканчивалась она так:

Погиб наш юный барабанщик,
Но песня о нем не умрет!

У девочек даже слезы на глаза навернулись. А Павка сказал:

— Ну, хоть и не очень веселая песня, а боевая. Мы ее теперь всегда петь будем.

В БОЙ ЗА ХЛЕБ

В середине февраля в Герасимовку прибыла новая бригада Верхнетавдинского райкома партии. Вечером в сельском Совете состоялось общее собрание граждан. Обсуждался один вопрос: о хлебозаготовках.

Руководитель бригады, высокая черноглазая женщина, докладывала добрый час. И каждому было ясно: Верхнетавдинский район — самый отстающий в Уральской области, а Герасимовский сельский Совет — в Верхнетавдинском районе. Задача: каждый крестьянин в ближайшие три дня должен рассчитаться с государством.

Доклад окончен. Герасимовцы молчат. Как воды в рот набрали. Ни за, ни против.

— Так кому же предоставить слово? — в десятый раз спрашивал председатель собрания.

Собрание молчало.

— Кому же слово?

— Дайте мне! — раздался вдруг откуда-то сзади, от дверей, звонкий голос.

— Пожалуйста!

Павка протолкался к столу.

— А-а. Коммунист, ну-ну, послушаем! — прогудел чей-то бас.

Павка стал рядом с председательским столом.

— Я предлагаю организовать завтра красный обоз с хлебом,— взволнованно заговорил он.— С нашего хозяйства причитается еще двенадцать пудов жита. Пишите — завтра свезу.

В комнате заворочались, закряхтели, заговорили.

— Эх ты, мать честная. Мал золотник, да дорог,— проталкиваясь к столу, гудел старик Давыд Парфенов.

— Лиха беда начало,— почесал затылок кузнец Ефрем Книга и пошел вслед за Парфеновым.

— Молодо-зелено. Ему все просто. Ну, что он понимает, дите. Завтра свезет последнее, а послезавтра Танька с ребятишками — зубы на полку,— негромко, но так, что слышали многие, сказал сидевший сзади Арсений Кулуканов.

Павка круто повернулся к нему, зло прищурил окаймленные длинными густыми ресницами глаза:

— А ты, дядя Кулукан, видно, сам боишься, как бы вам с тетей Химой не положить зубы на полку? А может быть, как и раньше, к весне приберегаете хлебушко-то, чтобы потом с бедноты содрать по три шкуры? Не пора ли вам разрыть свои ямки? Ведь знаем, где они и у тебя, дядя Кулукан, и у тебя, дядя Силин, и у тебя, тетушка Ева, и у тебя, дядюшко Башко...

Сначала все смолкли, ошеломленные смелостью парнишки. Потом поднялся шум: кто смеялся от души, кто недоумевал, кто ругался. Павка стоял у стола и слушал.

— Ишь щенок какой! Материно молоко на губах еще не обсохло, а...

— И как только язык поворачивается у него, у бессовестного!

— Устами детей глаголет истина,— басил Давыд Парфенов.— Подходи, земляки, записывайся в красный обоз!

Сначала бедняки, а потом и середняки подходили к столу.

— Пишите...

На следующий день, несмотря на тридцатиградусный мороз, к сельсовету, громко скрипя полозьями, подъезжали сани с хлебом. Часов в одиннадцать от сельсовета почти до окраины Герасимовки растянулся красный обоз. Впереди всех ехал на своей Бусухе, успевшей уже закуржаветь, Павка Морозов. Он сидел

в передке на мешках с хлебом и сене. Из бараньего воротника большого тулупа счастливо блестели его темно-карие глазенки. Он помахивал на Бусуху хлыстиком и посвистывал. А когда узкую дорогу с обеих сторон обступила застывшая в зимнем безмолвии, покрытая снежным ковром тайга, он запел:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов!

* *
*

Только через трое суток вернулись обозники в Герасимовку. Ведь даже по зимней дороге через озеро Янычково от Герасимовки до Тавды полсотни километров. Туда и обратно выходит сто.

Павка приехал домой уставший, продрогший до костей. Он выпряг Бусуху, надавал ей корму, поел печеной картошки с луком и тут же завалился спать.

В полночь Павка проснулся. От холода не попадал зуб на зуб. Стены ветхой избенки дрожали от порывов ветра.

На дворе бушевала метель.

Павка встал, подбросил смолья в железную печку, раздул покрывшиеся дымкой пепла еще тлевшие угли. Отогревшись, он решил сходить во двор, попоить теплой водой Бусуху, подсыпать ей овса. Только вышел из сеней — как будто кто-то плеснул за шиворот ковш холодной воды. Дорожку передуло. Пришлось шагать в конюшню по сугробу, проваливаясь в снег.

Вдруг сквозь вой ветра он услышал какой-то стук. Павка остановился. Прислушался. Присмотрелся. На той стороне улицы во дворе дяди Арсения Силина мелькал свет. Погас. Снова мелькнул где-то под крышей у дверей амбара.

«Опять хлеб прячет дядька Арсений»,— догадался Павка...

По дороге в школу он зашел к Денису Потупчику, другому своему дяде. Тот был заместителем председателя сельского Совета.

— Что скажешь, Пашуха?

— Худое скажу,— насупился Павка.— Дядя Арсений Силин сегодня ночью хлеб ховал, по-моему. А все плачет, что твердое задание непосильно.

Потупчик задумчиво покрутил ус.

— Да, родня у нас с тобой, Пашуха, выдающаяся. Не родня, а контра сплошная.

Арсений Силин, Арсений Кулуканов и Денис Потупчик были, как их называли, свояками: все трое в свое время женились на сестрах, дочерях старика Морозова. Силин, хоть и был середняком, хозяйство имел большое, крепкое и держался ближе к кулаку Кулуканову; Потупчик же всю жизнь не мог выбиться из нужды.

— Сплошная контра,— повторил Денис.— Ну что же, Пашуха, добре! Проверим сегодня же. Молодец, пионер, продолжай в том же духе,— он потрепал Павку по плечу.

Через час во двор Арсения Силина пришли с обыском.

— Показывай, Арсений Никитич, куда хлебушко заховал,— сказал осодмилец Иван Потупчик, сын Дениса.

— Тебе что, племянничек, приснилось? Какой же у меня хлеб? — почесывая редкую бороденку, добродушно отвечал Силин.

— А мы поищем,— спокойно сказала уполномоченная райкома Марина Янковская, деловито поправляя на себе полушубок и шапку-ушанку.

— Не пущу! — взревел Арсений.

Он бросился на Янковскую и ударом кулака свалил ее с ног. Иван Потупчик и одноглазый Прохор Варыгин подскочили к Силину, завернули ему руки

назад и, стянув ременным седельником, положили его на дровни.

— Успокоился, дядюшка? — спросил Иван.— Прохор, побеседуй с ним, а мы посмотрим, что это там, под крышей.

Взяв железные вилы, Иван полез под крышу. Там была рассыпана свежая ржаная солома. Иван отбросил один навильник, второй. Вилы ткнулись в доски.

— Есть что-то! — крикнул он.— И когда это ты, дядюшка Арсений, успел? И соломкой даже прикрыл. А снегом-то забросать не догадался, на буран понадеялся,— болтал Ванька, отбрасывая солому в сторону.

Силин молчал. Лежа в санях со связанными сзади руками, он с нескрываемой ненавистью следил, как его племянник один за другим выбрасывал из ямы мешки с зерном, толстые связки кож и овчин. Этим добром Силин собирался спекульнуть весной на тавдинском базаре.

Четыре воза пшеницы и кожевенного сырья, найденные у Арсения Силина, отправили в Тавду. Это была первая ямка, разрытая по инициативе герасимовских пионеров.

На борьбу за хлеб в Герасимовском сельсовете мобилизовали весь актив. Вот уже пятый день пионеры во главе с председателем совета отряда Павлом Морозовым сразу же после школы, прихватив с собой по куску хлеба, бежали в избу-читальню. Что они там делали? Наиболее любопытные старики заходили в читальню, заглядывали в окна, стояли у дверей и слушали.

Ребята пели:

Ах, картошка объеденье-денье-денье,
Пионеров идеал-ал-ал!
Тот не знает наслажденья-денья-
денья-денья,
Кто картошки не едал-дал-дал!

Под эту удалую веселую песню хорошо шло дело. Избач Павел Ельшин и учительница Анна Ивановна Григорьева с ребятами писали на старых газетах лозунги и плакаты.

Вечерами на некоторых воротах появлялись приклеенные клейстером большие, бьющие в глаза плакаты: «Здесь живет злостный зажимщик хлеба».

Эх, и ругали же в эти дни пионеров! Особенно доставалось их вожаку Павке-коммунисту. На ребят спускали волкодавов, бросали вдогонку поленья. Плакаты соскребали с ворот и заборов и рвали на мелкие клочки. А на следующее утро просыпались от громкого хохота у ворот. Набросив шубы, застегиваясь на ходу, выбегали на улицу. Так и есть! На том же месте — новый плакат. С фамилией. Со смешными рисунками.

— Пропади ты пропадом, коммунист проклятый,— ворчал Арсений Кулуканов, отскребая большим кухонным ножом очередной плакат, приклеенный на заборе.

Его увидел из окна — дом был напротив — Арсений Силин. Не поленился, вышел на улицу. И вместе принялись они ругать пионерию.

— Кто только придумал их, проклятых! Как скаженные, ей-богу! Ни днем, ни ночью покоя нет. Сами не спят и добрым людям спать не дают.

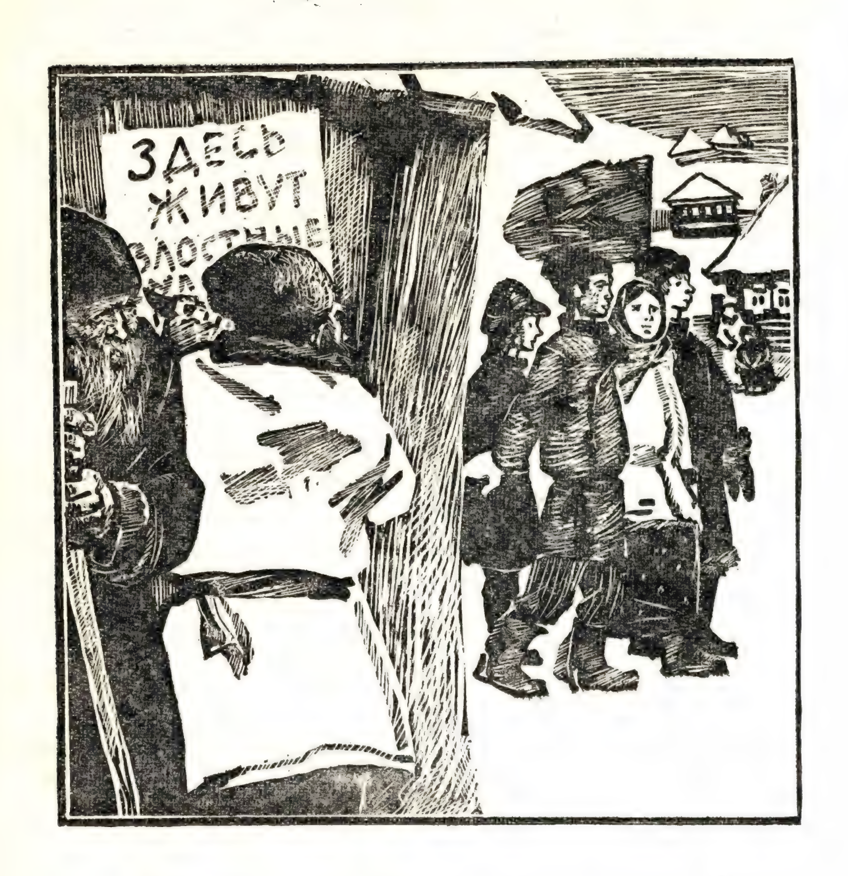
А Павка Морозов в эти дни чувствовал себя на седьмом небе. В отряде дела шли все лучше и лучше.

Однажды после уроков к нему подошел Яша Юдов.

— Павелко, а песню-то вашу, про барабанщика, я выучил.

— Ну и что? — Павка сделал равнодушное лицо.— На кудыкином болоте с кулаками петь ее будешь?

— Вишь, какой ты злопамятный! Я ведь тогда...— Яша замялся.— Ну, попутал меня тогда нечистый. Все Кузька Силин. Возьми ты меня обратно в пионеры. А?

— Это как отряд решит,— строго сказал Павка.

Яшу в отряд приняли. Но, чтобы показал себя, дали очень ответственное поручение — расклеивать плакаты. Яша не отказался. Дело делал дерзко, с храбростью. Один раз ухитрился даже налепить плакат прямо на окна избы Евы Саковой.

— Она, Ева-то, у камина сидит, а Петька ее за столом,— рассказывал Яша,— спиной, значит, ко мне, уроки учит. А я бац — клейстером по листу, бац — на окно. Ох и поорала она, народ сбежался, смех!

— Молодец,— скупо похвалил Павка.— Вот закон-

чим хлебозаготовки,— оживился он,— будем распространять облигации нового займа. А скоро и галстуки наденем, Зоя Александровна обещала.

СТАРИК МОРОЗОВ

Ох и не любил старый Сергей Сергеевич Морозов Советскую власть! И не скрывал этого. Где и как только мог подчеркивал свою ненависть. Злость не давала старику покоя, особенно после того, как отправился по этапу на дальний север его сын Трофим. В лес ли старик уйдет, на завалинке ли сидит, выпьет ли бутылку самогона — одни и те же неотвязные мысли.

Вспоминает Сергей Сергеевич доброе старое время, отца своего — надзирателя минской тюрьмы. Видит себя молодым, щеголеватым жандармом, с закрученными вверх, выхоленными, черными как смоль усами. Вспоминает, как конвоировал на этапах политических, закованных в кандалы, как водил на допрос из тюрьмы в полицейское управление высокую стройную красавицу — конокрадку Ксеньку. Ей было только восемнадцать лет, а она уже второй раз попала в тюрьму за кражу лошадей.

Приглянулась она молодому жандарму. Уговорил отца использовать свои связи и раскошелиться, чтобы освободить Ксеньку от тюрьмы. С тех пор как половина тюремной прислуги перепилась на свадьбе, как целую неделю в квартире тюремного надзирателя не переставали играть цимбалы и скрипки, прошло уже шестьдесят лет. Но как забудешь, если о женитьбе жандарма Морозова на знаменитой конокрадке Ксеньке тогда говорил весь Минск! Хорошее было время. Есть о чем вспомнить.

А теперь? Жили неплохо зятья Арсений Кулуканов

и Арсений Силин. Жили, никому не мешали. Кулуканов давал подработать в своем хозяйстве третьему зятю — Денису Потупчику, вечному батраку, который с семьей своей зиму и лето перебивался с хлеба на квас.

Теперь Денис стал заместителем председателя сельсовета. Это бы полбеды. Но ведь он не постеснялся свояков своих притеснить: Кулуканову и Силину дать твердое задание. Да еще яму у Силина разрыли, четыре воза увезли в Тавду.

Пришел однажды старик Мороз в сельский Совет чуть подвыпивший, сказал сердито, не здороваясь:

— Жалоба есть у меня, председатель.

— Я вас слушаю, батя,— насторожился Денис.

— Вчера у меня советские волки жеребенка съели! — взвизгнул старик Мороз, выпучивая глаза из-под лохматых бровей.

Денис вскочил, сжал кулаки.

— Ты что, контра? На север, вслед за Трофимом захотел?

— Лес-то, малец, чей? Советский. Ну, значит, и волки — тоже советские,— старик захохотал.

— Смотри, тятя. За такие разговорчики живо угодишь кой-куда.

Бредя из сельсовета, старик Мороз ругался и пел песни тоненьким бабьим голосом. Против хаты Дениса Потупчика он постоял, потоптался и круто повернул в ограду. Решил зайти, поругаться с дочерью своей Устиньей.

— Хо, начальники! — зло смеялся он, открывая редкие, из жердей, ворота.— Не только ограду — сени к хате приделать не могут... Двор-то небушком покрыт, урманом загорожен. Зато — два начальника... два лба.

Он остановился во дворе. Долго смотрел мутноватыми, слезящимися глазами на раскрытый сарай, на

покрытый погнившей ржаной соломой амбар, малюсенький, как баня. Пошатываясь, забрался по крутой лесенке на высокое крыльцо и, скрипнув обитой соломенными матами дверью, вошел в хату. Не поздоровался. Даже не снял шапки. Сел на скамью у порога, закурил.

Дочь старика, Устинья Потупчик, высокая, в мать чернобровая, уже не молодая, но не потерявшая былой красоты, сидела у окна, вязала. Она удивленно посмотрела на отца. Давно не заходил старик.

Сергей Сергеевич долго сидел молча, курил, кашлял, искоса посматривая на Устинью. Потом загасил папироску и как бы между прочим спросил:

— Денис на службе?

— Где ему быть. В сельсовете.

— А Ванька где?

— Да кто его знает. В избе-читальне, наверно. А то на вечерке с ребятами да девками пляшет.

— У-у, подлая! — закричал старик, вытаращив осоловелые глаза.— Родила дурака... Все смотрит, как бы хлеб найти у кого захованный. Да раз своего хлеба нема — так зачем же зорить тех, у которых он есть? Зачем людей добрых обидеть? Свою родню. Ну, скажи, зачем? — Он ворочал головой, впиваясь в дочь яростным взглядом.

— Не знаю я этого,— уклончиво ответила Устинья.— Они-то ведают, что делают.

Вставая, старик Мороз бормотал:

— Ох и наградил меня господь внуками. Пашка —коммунист, Ванька — осодмилец... Тьфу! Слова-то какие басурманские! Вот только Данилка растет у меня герой. Это будет поилец-кормилец деду с бабкой. Хозяйственный растет парень.

— Да ведь у вас, тат, хозяйство-то тоже не лучше нашего.

— Ну, ты! Отцу перечить...

Старик пошатнулся, плечом открыл дверь и ушел.

Вечером Денис с Иваном пришли домой. Иван был похож на отца, как двойник,— высокий, широкоплечий, с небольшим вздернутым носом и широкими рыжеватыми бровями.

Когда сели ужинать, Устинья сказала:

— Вот, сынко родной, батька Мороз сегодня приходил, меня ругал...

— Чего ему надо, подкулачнику? — выслушав мать, рассвирепел Иван.— А учить нас с таткой ему поздновато. У нас свой путь.

СЕРДЦЕ ИГРАЕТ

Старик Мороз, вернувшись домой, достал бутылку самогона, велел бабке дать закуски, посадил за стол Данилку.

— Выпьем-ка, внучек, потолкуем.

А сам смотрел на него по-особенному, внимательно и долго. Потом заговорил тихим скрипучим голосом:

— Слушай меня, внук мой родненький. Да запоминай. Родились мы со старухой в Витебской губернии.— Данилка навострил уши: это походило на завещание, что ли. Серьезный предстоял разговор.— Больше двадцати лет живем вот здесь, в урмане. Нам обоим уже за восемьдесят. Скоро, значит, хочешь не хочешь, придется переселяться в «могилевскую губернию». Так вот. Все хозяйство: хата, амбар, двор, скот — все твое станет. Будешь после моей смерти умело хозяйничать — разбогатеешь, таким же будешь, как дядя твой Арсений.

— Ну, таких-то теперь раскулачивают,— усмехнулся Данилка.

— Раскулачивают, говоришь? Верно. Дураков рас-

кулачивают некоторых. А ты будь еще хитрее, чем Арся Кулуканов. Ты, малец, делай так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Ты грамотный. Можешь даже в советские активисты пробраться, как вон мой Трошка был...

— А потом, как твой Трошка, и шагай на север на десять лет? — снова перебил Данилка.— Нет уж, извини-подвинься...

— Опять же говорю, умнее надо быть,— не повышая голоса, продолжал Мороз.— Главное, запомни, что недолговечна Советская власть.

— Я уже два года слышу эти сказки и от тебя, и от дяди Арсения, и от дружков ваших из поселков,— махнул рукой Данилка.

— А я тебе говорю, недолговечна! — рявкнул старик и стукнул сухим узловатым кулаком по столу.— На Дону и Кубани — восстания. А у нас Калина собирает силы во всем урмане. Знаешь ли ты, малец, что в его татарской деревне нет еще Советской власти? Что он там и царь, и бог, и земский начальник? А слыхал ли ты, что позавчера среди бела дня был опять налет на Кулоховку? Уполномоченному сельсовета всыпали двадцать пять плетей, собрали и увезли на свою базу три воза муки, мяса, сала.

Притих Данилка. Долго и внимательно слушал он болтовню деда.

Парень, конечно, понимал, что банды, которые состоят в большинстве из уголовников, сбежавших из лагерей, не свергнут Советскую власть. Но над словами старика задумался. Ведь за все время, как он живет у деда с бабкой, досыта да вкусно ел и пил только у Кулуканова. Как же ему не мечтать о такой жизни, чтобы каждый день было что выпить и закусить!

Воображение Данилки рисовало заманчивые картины. Вот уже он не какой-то там Данилка, а пожи-

лой, широкоплечий, с черной окладистой бородой Данила Иванович. Одет он в такие же, как у дяди Арсения, широкие плисовые шаровары, в лаковые сапоги гармошкой, на нем кашемировая рубаха и поверх нее черный жилет. В кармашке жилета тикают большие серебряные часы-луковка.

На месте, где стояла ветхая дедова хатенка, заканчивает Данила Иванович строительство большого пятистенного дома. Восемь опытных плотников, бывших куркулей из спецпоселка, работают у него от зари до зари. В новой просторной конюшне под просмоленной тесовой крышей, лениво пережевывая овес, ржут сытые лошади.

Жена Данилы Ивановича — дородная чернобровая красавица, такая, какой была в молодости, наверное, тетя Хима Кулуканова, в обед кормит плотников щами и жаренным на большой сковороде свиным шпиком. Сам хозяин подает работникам по стопке первача-самогона, который производит в бане очень постаревший дед.

Пообедав, плотники усердно молятся в передний угол, на почерневший от времени лик Николы-угодника — скуластого старичка, очень похожего на Николая Гудимчика.

— Скажите, Данила Иванович,— лебезит перед хозяином один из плотников,— как это вы капиталец сколотили? Ведь вроде недавно были вы, не в обиду будь сказано, самой что ни на есть голью перекатной?

Ухмыляется Данила Иванович, крутит свой черный ус:

— Нет у меня, граждане, никаких секретов. Просто надо стариков слушаться да голову на плечах иметь.

Обводит долгим взглядом свои богатства Данила Иванович, смотрит вокруг и... вздрагивает. Нет большо-

го дома. Нет коней. Сидит не Данила Иванович, а Данилка в покосившейся избенке с подслеповатыми окнами. Посреди избы шумит железная печка с прогоревшей коленчатой трубой...

В избе уже распоряжался Арсений Кулуканов. Данилка и не заметил, когда он вошел. Принес свой самогон, сало, по-хозяйски сел за стол.

— Ну, родственнички, выпьем. Что-то невесело мне.

Снова пили, дед захмелел, и разговором овладел Кулуканов. Пьяно поводя пальцем перед носом Данилки, поучал:

— Не будь таким, как братец твой двоюродный, Пашка-коммунист, али другой братец твой, Ванька Потупчик. Они ведь давно свои души черту продали. Поэтому Пашка и отца своего загубил, и нам покою от него нет. А Ванька сам сроду досыта не едал дома, так ямы в чужих дворах разрывает. У Арсюхи Силина разрыл яму? Разрыл. А кто доказал на Арсюху? Уверен я — Пашка... Дай волю этим Пашке да Ваньке, так копай могилу себе и заказывай гроб.

Данилка прекрасно понимал, что Павку ненавидит вся родня, за исключением семьи Дениса Потупчика да Анисима Островского. Теперь даже бабка слышать о нем не хочет. Что ж, Данилке с Павкой не по пути. Его, Данилкин, путь вместе с теми, кто его поит, кормит, воспитывает — с дедом и дядей Арсением. Он терпелив, Данилка. Он своего дождется.

— Ох, гложет сердце тоска! — выкрикнул Арсений, оттолкнул стакан.

Данилка покосился на него. Затосковал, значит, дядя. А как тут не затосковать? Дом у Арсения Кулуканова самый большой в Герасимовке, самый красивый, дом — полная чаша, а опостылело все Арсению. С тех пор, как ушел в этап под конвоем его шурин

Трофим Морозов, несчастье за несчастьем валится на седеющую голову Кулуканова.

Новый председатель сельского Совета начал с того, что тщательно изучил списки герасимовцев, и уже через неделю, на общем собрании граждан, многие бывшие «активисты» — в том числе Силин и Кулуканов — получили твердые задания по сдаче хлеба государству. Самым обидным для Кулуканова было выступление свояка Дениса Потупчика. Высокий, курносый, с реденькими усами, в потрепанном буденновском шлеме, он подошел к столу и, не из тучи гром, заговорил:

— Я всю жизнь чертомелил на их, дармоедов. Только на своячка своего Арсения Кулуканова гнул спину несколько лет. А вы разве не работали на него? Так почему же, спрашивается, эти кровососы ходят в советских активистах? Я предлагаю обложить их твердым заданием, да покрепче обложить!..

Ну как вытерпеть такое от человека, который раньше и пикнуть-то боялся на собраниях!

— Вот, батя, ходил в председателях Трофим — Кулуканов середняком был и активистом. Пришла новая власть в Герасимовке — Кулуканов кулаком стал. Ну, какой я кулак, батя? За что задание твердое мне дали? Почему не одна тварь, которая годами кормилась у меня, ни словом не обмолвилась в мою защиту? Ну, почему, я спрашиваю? — выкрикивал Арсений, размазывая по щекам пьяные слезы.

— Эх, малец, малец,— качнул кудлатой головой старик Мороз.— Седьмой тебе десяток ведь идет, а кричишь, как в урмане заблудился. Забываешь, что нынче стены стали ушатыми. Выпьем лучше да закусим.

Они чокнулись чашками. Выпили. Долго морщились, закусывая солеными огурцами, нюхали хлеб.

— А я скажу тебе, батя,— оглянувшись на дверь, снова заговорил Кулуканов,— скажу тебе, что всю жизнь портит нам Пашка-коммунист. Под корень подсекает...

Широким столовым ножом он стал разрезать сало.

— Терпеть не могу я Пашку,— тихо откликнулся старик.— Как увижу его — сердце играет!

— У всех сердце играет,— хмуро сказал Арсений.— Подожди, придет скоро времечко, раскулачат нас с тобой, Сергей Сергеевич, и сошлют куда-нибудь вслед за сынком твоим. А в доме моем будет правление

колхоза «Напрасный труд». Хо-хо! В горнице будет заседать мой батрак Дениска Потупчик.

— Не раскулачат! — взвизгнул старик Мороз.— Меня не раскулачат. Я бедняк.

— Но зато ты подкулачник — это всем известно...

Старик стукнул кулаком о стол так, что зазвенела посуда, и заорал:

— Мой сын, Ванька — колхозник, кандидат партийный... Он не позволит!

Схватив наполненную самогоном чайную чашку, он залпом выпил ее.

Постоял качаясь, свалился на широкую лавку и захрапел.

Начало темнеть.

Кулуканов пытался завернуть папироску, но у него ничего не получалось.

МАЛЕНЬКИЙ ХОЗЯИН

Трудной была эта весна для Павки. Все время — в поле. Пахал, боронил, сеял. А что поделаешь? Ведь он теперь хозяин, глава семьи.

Кончился учебный год. Опустела школа. Учительницы уехали в отпуск. Ребята где-то бегают, играют, рыбачат, а Павка снова в поле.

Жара. Пауты сотнями облепляют Бусуху. Она бьет по брюху задними ногами, беспрестанно крутит хвостом, мотает головой. Останавливается. Павка горстями ловит паутов на боках Бусухи, давит их. У самого лицо опухло от укусов. Облако большущих рыжих комаров вьется над ним. Комары впиваются в лицо, шею, в босые, покрытые цыпками ноги. Павка обливается потом, а бывает — и слезами. Всякое бывает, когда хозяину тринадцать лет!

Мать смотрит на него горделиво:

— Совсем как настоящий мужик. Сколько дела-то делаешь — невпроворот. Слава богу, характер у тебя очень славный: не унываешь. И откуда столько веселья у тебя берется?

Это верно, дома его не видят печальным. Играет с ребятами или рассказывает им что-нибудь смешное — все покатываются со смеху. А песни!.. Никто из ребят не знает так много песен. И петь не умеет никто, как Павка.

Любит он потолковать со взрослыми.

Как-то воскресным вечером сидели бабы на завалинке, судачили. Пришел Павка. По-мужски похлопал по плечу тетку свою, старуху Островскую, спросил участливо:

— Ну, как живешь, тетка Маланья?

— Худо, Павлик, худо.

И начались суды-пересуды, горькие, как перец, обиды на житье свое единоличное. Наперебой рассказывают бабы все наболевшее. У одной последнего теленка волки загрызли, другая уже две недели похлебку не варила — нет картошки.

Павка слушал внимательно. Потом усмехнулся:

— А кто виноват? Сами вы виноваты. В колхоз надо идти. Ведь колхозников-то в Советском Союзе больше, чем единоличников. Во всех селах Тавдинского района есть колхозы. Только вас не своротишь.

— Знаем мы эти колхозы! — взвизгнула Ева Сакова.— Была у нас кумына в тридцатом году...

Бабы покатились со смеху. Перебивая друг друга, кричали:

— По-за гумнам удирали из чужих-то домов!

— Пока жрали чужой-то хлеб — жили...

— Ненадолго хватило награбленного-то...

— Довольно вам! — рассердился Павка.— Кабы были у нас коммунисты, не получилось бы этого.

Перешли бы на Устав сельхозартели и жили бы, как вон в Городище. А то приехал какой-то проходимец,— Светлов, что ли? — наделал перегибов и сбежал. Вам ведь сколько об этом толковали, я сам слыхал.

На общих собраниях Павка бывал часто. Заберется в дальний уголок, сидит и слушает. Иногда не выдержит и сам слова попросит.

— Больно уж горазд ты людей-то учить,— поджала губы Ева Сакова.— А тебе откуда знать?

— А вот послушайте,— Павка вытащил из кармана «Крестьянскую газету».— Такие же люди пишут, крестьяне.

Он начал читать бабам письма, в которых колхозники рассказывали, как они жили раньше и как живут теперь. Бабы молчали, слушали.

А потом прибежали ребята, загалдели:

— Павка, айда играть в стуколки!

Мальчишечья натура взяла свое. Павка вскочил:

— Пошли! — и вприпрыжку помчался за приятелями.

Маланья Островская с улыбкой покачала головой:

— Что только из него будет? Башковитый парнишка.

— До чего умен! — покивала Устинья Потупчик.— Славный мальчишка.

— Настоящий коммунист, нехристь,— прошипела Ева Сакова.— Ныне вот, слышала, заём опять какой-то всучивает людям.

Когда сельсовет начал распространять облигации государственного займа, Павка первым взял облигацию. А потом сговорился с ребятами пойти по домам, агитировать соседей. Не уходил из избы, пока хозяин не соглашался. Убеждал:

— Это же, понимаете, сколько денег надо, чтобы выполнить пятилетку, понастроить фабрик да заводов.

Уйму! А польза кому? Нам же и польза. Вот изготовят на наши деньги трактор и пошлют его нашему колхозу.

— Какому «нашему»? — таращил глаза мужик.

— А Герасимовскому. Все равно ведь будет скоро и у нас колхоз,— уверенно частил Павка.— Ну, и вам тоже польза. Ситец вот или что там еще в хозяйстве нужно. А выиграет твоя облигация рублей с тысячу — разве не польза?

— Хорошо бы,— ухмылялся мужик в бороду и непривычной тяжелой рукой расписывался в Павкиной тетрадке.

ДЯДЯ ИВАН

Наступила страда — самая горячая в деревне пора.

Павка, собираясь в поле, запрягал Бусуху. На улице прогрохотала телега. Она остановилась у ворот старика Мороза. Павка услыхал чей-то очень знакомый голос:

— Встречай гостя, тятенька!

Павка выглянул за ограду. Во двор деда въезжал Иван Морозов. Видимо, из Киселёвки приехал в гости к отцу своему, Сергею Сергеевичу, посмотреть, как живет Данилка.

Обрадовался Павка: дядя Иван — кандидат в члены партии, колхозник. Может, посоветует, как организовать колхоз в Герасимовке? В сельсовете новый председатель, людей не знает, трудно ему.

Павлик решил в этот день не ездить в поле. Выпряг кобылу, привязал ее в огороде, а сам сел на крылечко поразмышлять, какие вопросы задать дяде Ване.

Напрасно надеялся Павка. Не зашел к нему Иван Морозов. Даже не взглянул на избенку племянника, прошагал мимо.

— Пожалуйста, брателко, заходи, родимый,— услышал Павка голос Химы Кулукановой.

Павка знал, что Арсений с Данилкой еще на рассвете уехали в поле. А Хима, хлопнув тесовыми воротами, с большой сумкой в руке побежала в лавку. Павка решил зайти в дом Кулукановых.

Иван Морозов встретил его молча. Не поздоровался, не пригласил присесть. Прищурив глаза, заговорил:

— До каких пор это будет продолжаться? До каких пор ты будешь выносить сор из избы? Отца своего, брата моего любимого, погубил. Теперь под деда и дядю своего Арсения подкапываешься! — он в ярости стукнул огромным кулачищем по столу.

— Но ведь Кулуканов-то — враг Советской власти,— пытался возразить Павка.

Иван гневно перебил:

— Кулуканов прежде всего твой дядя, муж родной твоей тетки Химы.

— Он враг Советской власти! — сверкнув потемневшими глазами, крикнул Павка.— Какой бы я был пионер, если бы защищал его? — Павка дрожал от возмущения, он не мог смотреть на красное расплывшееся лицо дяди.

— Н-да... Не зря, видно, зовут тебя здесь Пашкой-коммунистом. Смотри только, как бы хуже тебе не было,— сказал Иван Сергеевич.

В комнату вошла тетка. Удивленно взглянув на Павку, она проскользнула в горницу. Там зазвенели бутылки. Угощение принесла гостю.

К горлу Павки подкатился ком... И этот против него! И этот угрожает! Вот-вот готовы были брызнуть непрошеные слезы. Не прощаясь, Павка выбежал в ограду.

НА ОЗЕРЕ САТОКОВО

От Герасимовки до озера Сатоково рукой подать. На семь километров в длину, на четыре в ширину раскинулось оно, окруженное густым тальником и зыбучими болотами.

С весны до глубокой осени шныряют по водному простору рыбачьи лодки. Жители соседних деревень приезжают сюда с мережами ловить карасей. Сотни центнеров рыбы вылавливают они каждый год.

Павка любил в летние лунные ночи забрасывать сети, осматривать их рано утром, выбирать на дно лодки трепещущих золотистых карасей. Приезжал он сюда с дружком своим Яшей Юдовым, но чаще всего приглашал Павку Костя Волков, коренастый, широкоплечий синеглазый парень.

Когда солнце скрывалось и на небо выплывала луна, садились они в узкую просмоленную лодку и скользили по покрытому мелкой рябью озеру. Около подводных зарослей элодеи[1] закидывали сети.

Вот и сегодня Павка поехал на озеро. Костя рыбачил со вчерашнего дня.

— Хорошо, что приехал,— встретил он Павку,— уху сейчас будем варить.

Вскоре запылал костер, а над ним в прокопченном котелке забурлила уха.

Стемнело. В озере, слившемся с небом и покрытом мелкой рябью, отражался Млечный Путь. Над прибрежными кустами, свистя крыльями, пролетали утки. На берегу озера, тут и там, загорались костры.

Неожиданно из леса выехал Данилка. Не говоря ни слова, он стал распрягать лошадь. Его лодка была

---

[1] *Элодея* — род водорослей.

на другом пристанище, здесь он никогда не останавливался. На телеге его стояла большая плетенка, покрытая мокрыми водорослями. Значит, уже осмотрел свои сети.

— Скоро поспеет,— кивнул на уху Павка.

— А ты посоли ее, Пашутка, соль-то в мешке! — крикнул Костя. Он лежал поодаль, отдыхал, покуривая.

Павка подошел к телеге, чтобы взять соли. В тот же миг Данилка подскочил к костру, выхватил из кармана мешочек и кинул в котелок две полные горсти соли.

— Ты что это сделал, гаденыш? — вне себя от гнева вскочил Костя.

— Подсолил малость,— ухмыльнулся Данилка.

Ударом кулака Костя свалил Данилку.

— Сейчас же вари! Из своей рыбы вари нам уху! — закричал он.

Данилка встал, втянув голову в плечи, и, трусливо оглядываясь, пошел к своей телеге. Он покорно начистил рыбы и сварил уху. Даже бросил в нее щепотку перца и накрошил зеленого луку.

Ужинали все трое, вместе. Поев, Данилка начал «заигрывать» с Павкой. Взял его сзади под мышки, развернул вокруг себя и больно стукнул ногами о телегу.

— Что ты делаешь, чертов сын? — возмутился Костя.

— А тебе какое дело? Мы — родня,— засмеялся Данилка, однако от Павки отошел, оглядываясь на кулаки Волкова.

Костя положил в костер два толстых смолевых пня, лег под телегу, укрылся пологом и сразу заснул. Спасаясь от комаров, Павка лег возле костра. Данилка забрался под свою телегу...

Сквозь сон Костя услышал крик и вскочил как ужаленный. Под сосной лежал Павка и, охватив голову руками, плакал.

— Что ты, Павлик?

— Ох как больно...

— Да что с тобой? Змея, что ли, ужалила?

— Данилка... Головешку с огнем положил мне под голову, сонному.— Павка убрал руки, и Костя увидел на его затылке большую рыжеватую опалину.

— Ну, ладно...— Костя внушительно погрозил кулаком.— Ложись со мной, Паша. Сюда подойдет, так...

Павка лег рядом с Волковым, прижался к его широкой спине, прикрыл голову концом полога. Обожженная кожа на затылке болела. Казалось, головешка все жжет голову.

Где-то неподалеку страшно дудела выпь, курлыкали журавли. В камышах, у самого берега, крякали утки.

Ох и крепкое же здоровье у этого Кости! Уткнул голову в мох и храпит... Понемногу и Паша забылся в тревожном сне.

А на рассвете Костю разбудил шум. Он вскочил, осмотрелся, прислушался и бросился к озеру. На берег из глубокой илистой трясины вылезал плачущий Павка. Потоки воды стекали с его головы и рваной фуфайки. Свою фуражку с широким околышем он держал в руке.

В стороне, у большого талого куста, стоял Данилка. Костя схватил весло. Данилка не стал дожидаться.

— Гнус проклятый, удрал,— проворчал Костя.

Вместе с Павкой они подошли к костру.

— Грейся, Паша! — Костя добавил в тлеющий костер охапку сучьев, и огромный язык пламени взметнулся вверх.

Павка снял ботинки, вылил из них воду и вытянул худенькие окоченевшие ноги к костру. От залатанных штанов и прильнувшей к телу рубахи поднимался пар.

СЕДЕЛКО

Случай на рыбалке заставил Павку призадуматься. И дед, и бабка, и Данилка, и Кулуканов, как волки, точат на него зубы. После ссылки Трофима старик Мороз перестал и во двор пускать своих внуков. И сам к ним не ходил. Только во время страды зашел один раз.

Павка смазывал телегу. Старик подошел, нахмуренный, лохматый, и сказал, глядя в сторону:

— Дай мне седелко высокое. За сеном съездит Данилко. Спину у лошади сбило моим-то. Вот я принес его...

— Бери,— охотно согласился Павка.

Он отдал высокое седелко, а в обмен взял низкое, с грязным и грубым потником. Вечером, возвратившись с поля, Павка заметил, что Бусухе сильно надавило спину. На другое утро он пошел к Морозу, впервые за много месяцев. В ограде встретил Данилку.

— Седелко мне надо, Данила, мое... Вашим-то спину обварило лошади.

— Нет никакого седелка,— пробурчал Данилка.

— Как это нет? Ведь мое оно... Давай!

— Уходи, коммунист проклятый! Не раздражай лучше! — рявкнул Данилка.

Не вытерпел и Павка, тоже повысил голос:

— Давай, говорю тебе! Все равно не уйду, пока не отдашь!

Данилка, выхватив из забора жердь, со всего размаху ударил Павку.

Татьяна Семеновна, услышав крик, выбежала из

хаты и бросилась отнимать сына. Рассвирепевший Данилка и ее ударил по лицу.

На крыльцо вышла старуха Морозиха, высокая, сгорбленная, с длинным, загнувшимся книзу носом, похожая на сказочную бабу-ягу.

— Внучек мой родненький! — низким скрипучим голосом заговорила она.— Изведи ты этого коммуниста! Поло́жь его под колоды, чтобы ворон кости не нашел. Под колоду поло́жь! — визгливо повторила она, указывая на Павку крючковатым пальцем.

Но Данилка бросил палку. Он сказал примирительно:

— Слушай, Павел. Ежели ты желаешь жить на свете, выйди из пионеров вон...

Павка поднялся с земли. По лицу текла кровь. Он не плакал. Лишь одна слеза сверкнула на длинных густых ресницах. Глаза его возбужденно блестели.

— Вот стоит моя мать,— дрожащим голосом, но твердо начал он, словно хотел поклясться именем самого родного человека,— так запомни, из пионеров не выйду! Если придется, голову покладу за Советскую власть. Отец бил меня, мором морил, и то я не сдался...

— Ну, смотри! Тебе виднее,— криво усмехнулся Данилка.

Он швырнул Павке седелко и, не оглядываясь, пошел в хату.

Татьяна Семеновна плакала.

— Пойдем, сынко, милиционеру заявим,— позвала она.

Титов, милиционер, внимательно осмотрел синяки на Павке, его пробитую выше виска голову и выругался:

— Ну, мерзавец, как покалечил парня!

Он сел писать протокол. Потом на отдельном ли-

сточке аккуратным почерком вывел «препроводиловку» и передал ее Павке:

— Поезжай в Городище к фельдшеру. Пусть освидетельствует тебя и составит акт. Заведем уголовное дело.

В Городище Павка не уехал. Не успели позавтракать, как к воротам подкатили председатель сельсовета и Титов.

— Павка, выйди на минутку,— позвал Титов и таинственно сообщил: — Во Владимировку поехали, бричку кулукановскую искать. Там он у кого-то ее спрятал.

— Я с вами,— обрадовался Павка.— Можно?

Татьяна Семеновна насторожилась:

— А к фельдшеру?

— Завтра съезжу,— отмахнулся Павка и пошел оседлывать Бусуху.

А через полчаса он, оглушительно свистя, подпрыгивая в седле, скакал по узкой проселочной дороге, проложенной сквозь глухую тайгу. Сзади ехали на таратайке председатель Совета и милиционер.

Неожиданно из просеки выехал на своей кобыленке Данила. Он долго смотрел вслед. Потом повернул и погнал лошадь к Герасимовке: скорее сообщить Арсению Кулуканову.

ТРЕВОЖНЫЕ НОЧИ

Павка вернулся из Владимировки в потемках, молчаливый и бледный. Болела голова. Левая рука распухла и не сгибалась. С трудом набросал сена в ясли лошади и долго, морщась от боли, закрывал двери конюшни. Даже не поужинав, не разговаривая ни с кем, Павка разостлал на полу свое пальтишко и лег спать. Во сне стонал, метался.

Уложив ребятишек, легла на скрипучую деревянную кровать и Татьяна Семеновна. Тревога за сына не оставляла ее. Чем-то все это кончится? Она вспомнила, как Хима Кулуканова через несколько дней после суда над Трофимом кричала Павке:

— Не жить тебе, змееныш, на свете!

Татьяна заснула коротким тревожным сном. Проснулась от громкого пронзительного лая. Не зажигая света, выбежала на кухню. В стекла бил сильный ливень. Вдали тревожно шумела тайга. Катай бесился у крыльца.

Кто-то осторожно, но настойчиво стучал в дверь сеней. Татьяна Семеновна оцепенела. Что делать?

Стук повторился — еще громче, еще настойчивей.

Катай взвизгнул — очевидно, его чем-то ударили. Дверь с силой дергали. Татьяна долго смотрела в окно, выходящее во двор, но разглядеть ничего не смогла. Она подбежала к дверям и привязала к скобе длинную железную кочергу. На крыльце негромко разговаривали. Последний раз с силой дернули дверь. Потом все стихло. Катай визгливо залаял где-то в ограде...

Так и не заснула больше Татьяна Семеновна. Наутро сказала Павлу:

— Сынок мой родной, убьют ведь тебя. Приходил сегодня кто-то.

— Эх ты, мама, трусиха! Ну почему меня не разбудила? Взял бы я вон топор и вышел, посмотрел бы, кто это ходит.

А на следующую ночь снова стучали в дверь. Снова с приступом, с визгом лаял Катай. Снова кто-то топтался на крыльце и разговаривал.

Татьяна тряслась от страха и шептала:

— Только бы не разбудили Павку! Только не проснулся бы он...

ЗА КЛЮКВОЙ

В субботу, третьего сентября 1932 года, Татьяна Семеновна поехала в Тавду сдавать теленка. До Тавды полсотни километров. Обещала вернуться домой в понедельник к вечеру.

Павка с утра решил идти в лес за клюквой. Уродилось ее в болотах, как всегда, видимо-невидимо.

Каждый год герасимовцы набирают ягоду возами, сдают государству, покупают на клюкву обновки: ситец, ботинки, калоши, чулки.

Павел достал из амбара красный холщовый мешок. Положил в него краюху хлеба, ножик, нарвал в огороде репы и моркови.

— Пойдем, Алешка, по ягоды.

— Неохота,— ответил тот.

— Ну и не ходи,— рассердился Павка.— Лентяй ты все-таки. Мы тогда с Федюнькой пойдем.

Федя обрадовался:

— Пойдем, братко! Много-много наберем. Ты в мешок, а я в твою кожаную сумку. Верно?!

Перед уходом Павка наказывал:

— Ты, Алешка, двери-то закрой на крючок. За Ромкой присматривай. Если мы сегодня на заре не придем, знай — заночевали на Круглом мошке, у нашей пашни. Ночью кто придет — не пускай. Понял?

— Сроблю, как сказал.

Павка с Федей вышли за деревню. Солнце грело по-весеннему. Теплынь, как в июне. Ребята пересекли ржаное поле и углубились в тайгу. С песнями шли по знакомой узкой дороге. Где-то впереди тявкал, гоняясь за зайцем, Катай. Целый день бродили они по тайге, ползали по болотным кочкам. Постепенно мешок наполнялся клюквой. Федя то и дело подходил к брату с сумкой:

— Смотри, опять полная...

Под вечер устроились обедать на большой сопке, под толстой, с развесистыми ветвями сосной. Павка изрезал краюху на ломти, очистил две репки. Ели хлеб с репой и клюквой. До чего же это было вкусно!

Солнце клонилось к западу. Павка пристроил мешок с клюквой за спиной:

— Пошли, Федя, к дому.

Шли весело: смеялись, прыгали через колодины, аукали, слушали, как искусно дразнилось эхо.

— Даешь мешок ягод! — кричал Павлик.

И сотни голосов откликались:

— ...о-о-ок ягод!

— Эхо-о-о! — кричал Федя.

— ...эо-о-о! — ревели в ответ голоса.

— Баба-яга!

— ...аб-ба-яг-га! — выговаривал лес. Даже страшновато немного.

Как будто где-то в болотах сидят люди-великаны и передразнивают разноголосо.

Солнце освещало уже самые вершинки столетних сосен, когда ребята подходили к знакомой опушке.

— Эх и крепко же спать будем сегодня,— сказал Павка.— Ноги устали здорово. А у тебя, Федя?

Федя молчал.

Он вдруг остановился и испуганно схватил Павку за руку.

— Братко, глянь! Кто это?

Павка взглянул вперед. Из-за поворота показались два человека. Один высокий, сутулый; второй низенький, широкоплечий. Озираясь по сторонам, они шли навстречу ребятам...

ОЖИДАНИЕ

Целый день играли Алеша с Ромкой в пряталки, в стуколки, в бабки. Поедят, попьют молока и снова играют. Не заметили, как закатилось солнышко.

— Пойдем, Рома, братков встречать,— позвал Алешка.

Они вышли за ворота.

— Колова наса идет! — закричал Ромка.

— А вот Катай бежит! — припрыгнул от радости Алеша.— Значит, Паша с Федей придут скоро!

К ногам Алеши подкатился лохматый, взъерошен-

ный кругляш. Он прыгал, облизывал Алешины руки и жалобно повизгивал, отбегал в сторону леса, возвращался и лаял, будто звал мальчиков за собой.

Алеша с беспокойством всматривался вдаль. Ворота поскотины открыл Данилка. Он шел медленно, переваливаясь с боку на бок, заложив руки в рукава и, как горбун, втянув голову в плечи. Увидев ребят, Данилка резко повернул и быстро пошагал к своим воротам.

— Не видал наших, Пашу и Федю? — спросил Алеша вдогонку.

— Видел! — не оборачиваясь, крикнул Данила.

— Где? Когда?

— На кудыкином болоте после дождичка в четверг,— захохотал Данилка.

— Пойдем, Рома,— грустно сказал Алеша.— Они, наверно, заночевали на Круглом мошке. Ведь говорил Павка: «Может, заночуем».

Корову кто-то подоил в лесу. А может быть, Алеша, плохой доильщик, полстакана молока не мог надоить. Ребята съели по ломтю черствого хлеба, запивая водой, закрыли на крючок сени и улеглись спать.

За окном была темная сентябрьская ночь. У крыльца сидел Катай и выл жалобно, протяжно, как одинокий волк...

Тоскливо прошло воскресенье.

В понедельник утром в дверь долго стучала Маланья Семеновна Островская, сестра Татьяны.

— Павлуша! — ласково кричала она.— Вставай, засоня! Глянь-ка, хату-то солнышко подперло.

Хата молчала. Маланья забарабанила.

— Кто там? — испуганно откликнулся наконец Алеша.

— Да ну, открывай, не слышишь, что ли?

Щелкнул крючок.

На пороге показался заплаканный Алеша.

— А где Павка? — насторожилась Маланья.

— Они в субботу еще пошли с Федей в лес за клюквой и... не вернулись.

— Племянничек, родной мой. Почему же ты вчера не прибежал к нам? Не сказал?

— Боялся Ромку одного оставить дома,— Алеша заревел: — Павка сказал, чтобы я...

Старуха Морозиха в своей ограде у забора прислушивалась к разговору. В субботу она тоже ходила по ягоды на Круглый мошок. А когда вернулась поздно вечером, не узнала деда. Он осунулся и как будто еще больше постарел. Данилка вырядился почему-то в новые брюки и рубаху, которые привез недавно его отец.

Морозиха вошла в избу. Муж был нахмурен и мрачен. Все же она осмелилась заговорить.

— Куда это могли деваться Павка с Федькой?

Мороз вскочил. Из-под лохматых бровей испытующе поглядел на жену.

— Нечего мертвых поминать,— прохрипел он.

— И Федюшку? — вздрогнула старуха.

— Ни за что пропал младенец, из-за коммуниста проклятого...

Морозиха опустилась на колени перед потемневшей от времени иконой.

— Упокой, господи, душу усопшего раба твоего младенца Федора...

Раздался стук в окно. Старуха вздрогнула, поднялась. К стеклу прилипло лицо Алеши.

— Ну, чего надо?

— Бабка! Ты, говорят, тоже ходила в субботу по ягоды,— спрашивал Алеша.— Не знаешь ли, где наши ребята?

— Куда они денутся,— проворчала Морозиха.— Может, в Кулоховку пошли, к бабушке чай пить.

Алеша передал эти слова тетке Маланье Остров-

ской. В тяжелый час люди хватаются и за маленькую надежду. Милиционер Титов, зашедший к Островским, сказал мужу Маланьи:

— А вдруг они и верно там? Садись, Анисим, на лошадь, поезжай в Кулоховку.

Анисим пошел седлать коня.

Под вечер приехала Татьяна Семеновна. Ее встретил Андрюша Островский, племянник.

— Тетенька! Ребят ваших нет, тетенька!

У Татьяны выпали вожжи из рук.

— Кого?

— Паши и Феди. В субботу по ягоды пошли и не вернулись.

— Значит, не живут мои детушки,— запричитала Татьяна, припав лицом к телеге...

К ночи небо затянуло темными тучами. Порывистый ветер принес крупный холодный дождь. А ночью разыгралась буря. Ветер буйствовал, с корнем вырывая огромные сосны. На сотни голосов ревела взбесившаяся от ветра тайга.

Татьяна, босая, полураздетая, всю ночь искала детей. В темноте — рук своих не увидишь — ходила она по полям, по знакомым дорожкам. Аукала, кричала:

— Детушки мои родные! Где вы? Откликнитесь... На рученьках донесу вас до дому.

Шум бури заглушал ее охрипший голос. Перед рассветом, подходя к опушке леса, она вдруг остановилась. Где-то неподалеку нехорошим голосом, по-волчьи выл Катай. Жутко стало Татьяне. Не разбирая дороги, задыхаясь, бежала она к деревне. Только в хате почувствовала, как заледенели босые ноги. Насквозь промокли кофта и холстяная рубаха.

На рассвете приехал из Кулоховки Анисим Островский, мрачный, осунувшийся, с воспаленными от бессонницы глазами. Плащ, фуражка и лицо были

залеплены грязью. Он зашел в сельсовет, где уже сидели Титов, старик Парфенов и несколько активистов.

— Нет их там, не бывали,— сообщил Анисим.

К утру буря стихла, но дождь не переставал лить. По небу ползли грязные, лохматые облака. По улицам Герасимовки бежали ручьи...

Группами и поодиночке расходились герасимовцы по тайге. Недалеко от окраины Ивану Потупчику встретился Арсений Кулуканов. Шел он по направлению к сельсовету своей ленивой походкой, нахлобучив на глаза картуз, заложив руки за спину.

— Куда это? — поинтересовался Иван.

— До лавочки прогуляться,— усмехнулся Арсений.

— А ребят искать?

— Стар я, Ванюха, ноги болеют в дождик,— опять усмехнулся: — А ты сходи... поищи ветра в тайге,— и не торопясь пошел дальше.

Уже у опушки Иван догнал Титова.

Вместе пошли по дорожке на Круглый мошок. Впереди, беспокойно оглядываясь и взвизгивая, бежал Катай.

Лес наполнился людскими голосами. Аукали. Стреляли. Далеко разносилось приглушенное дождем эхо...

СТРАШНАЯ НАХОДКА

Целый день бродил Митька Шатраков по тайге. Низенький, широкоплечий, в больших отцовских болотных сапогах, с ружьем за плечами и с патронташем вместо ремня, он походил на настоящего охотника.

Он ходил по болоту, аукал, заглядывал под толстые колодины и в ямы. Дождь не переставал. Митька промок до костей и очень устал: «Вот ведь как

получается. Павка вроде как враг мой, участвовал в обыске. Нашел у нас в прошлом году ружье незарегистрированное. Ох и ругал же его тятька! А теперь вот и я ищу, и тятька где-нибудь ищет».

Хотелось поскорее вернуться домой, переодеться во все сухое, залезть на теплую печку и закурить. Он шел, а впереди, распугивая дичь, бежала его большая пестрая дворняга.

Вдруг она остановилась и затявкала. «Куропатку нашла»,— решил Митька и, сдернув с плеча ружье, прибавил шагу.

Собака сидела в мелком осиннике над чем-то черным и, подняв морду, выла. Оторопь взяла парня. На лбу выступила испарина.

Первое, что бросилось ему в глаза,— мешок. Большой прихлестанный дождем красноватый мешок лежал в неглубокой ямке, окруженной осинником. Из мешка торчали тоненькие ноги в больших ботинках. А возле — рассыпанная, смятая клюква.

— Павка?! — Митька начал стрелять в воздух.

Потом кричал. Потом бросился бежать и увидел Федю.

Только в деревне у избенки старика Морозова остановился передохнуть.

У колодца старуха Морозиха выкачивала воду.

— Нашел, бабка! — крикнул Митька, задыхаясь от бега.

Морозиха даже и головы не повернула в его сторону. Из ограды выскочил старик Мороз.

— Нашел, сыщик? — прохрипел он.

— Нашел, дедка! В сельский Совет бегу заявлять.

— Смотри, как бы и тебя...— проскрипел сквозь зубы старик.

Но парень ничего не слышал: он уже бежал к сельсовету.

АРЕСТ

С тех пор как провезли мимо окон внуков, старик Морозов забеспокоился еще больше. Нигде не может найти себе места. То на печку залезет, то начнет подметать двор, то на лавку уляжется вниз лицом.

И Данилка хмурится. Раза три за день сбегал к Арсению Кулуканову. То сидит неподвижно, курит самосад и смотрит в одну точку. То вдруг вздрагивает и оглядывается на окна.

Только Морозиха внешне спокойна. Стирает в деревянном корыте Данилкины холщовые брюки.

В комнате инспектора милиции в это время идет спор. Больше всех горячится осодмилец Иван Потупчик.

— Я предлагаю немедленно арестовать их. Понятно? И немедленно учинить допрос. Понятно? — кричит он так, будто все присутствующие безнадежно глухи.

— Я согласен. Арестовать, стало быть, стариков Морозовых, Данилку, Кулуканова...— задумчиво говорит Титов.— Тогда...

— Я пойду,— перебивает его Иван.

— Не струсишь? — спрашивает председатель сельсовета.— Ведь дедушку, бабушку, дядю...

— Струшу? Плохо меня знаете! — Иван выбежал из комнаты.

Взяв дружка своего осодмильца, батрака Прохора Варыгина и двух сельских исполнителей, Иван Потупчик двинулся по грязным улицам Герасимовки.

В избе деда Мороза он кивнул исполнителям:

— Обыскать!

Обшарили карманы Данилки и деда Мороза.

— А это что? — спросил Прохор Варыгин, подходя к Морозихе.

— Штаны, миленький. Штаны Данилкины стираю,— умильно осклабилась старуха.

— Взять,— приказал Иван исполнителю.— Как доказательство вещественное,— и, повернувшись к хозяевам, объявил: — Граждане Морозов Сергей Сергеевич и Морозов Данил Иванович, вы арестованы. Понятно?

Старик Морозов не сопротивлялся. Он только попросил:

— Позволь, внучек, азям надеть.

— Надевай,— разрешил Иван.

...В избе-читальне не бывало еще столько народа. Плакали женщины. Плакали товарищи Павлика — Яша Юдов, Яша Коваленков, Настя и Нюра Ермаковы. Плакала Мотя Потупчик.

— Что сробили злые вороги! — утирая слезы, гудел Давыд Парфенов.

— Звери! — шептал Анисим Островский и крестился.— Малых детей так... Живого места не оставили...

— Господи, кто же вороги?

— Вот они, вороги! Под конвоем идут! — крикнул кто-то, и все кинулись к окнам.

Старик Мороз, Данилка и Арсений Кулуканов шли, низко опустив головы.

А сзади — строгие — два исполнителя и Иван Потупчик.

Во дворе Анисима Островского сколачивали гробы. А в избе отваживались с обезумевшей от горя Татьяной Семеновной.

Потом Татьяна немножко успокоилась, шатаясь, вышла за ворота.

По улице брела Морозиха под конвоем осодмильца. Татьяна бросилась навстречу.

— Что ты наделала?!

Морозиха скривилась в злобной улыбке.

Татьяна как подкошенная упала на землю.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ОКТЯБРЬ

Больше двух месяцев прошло после смерти Павки-коммуниста. Как изменилась за это время Герасимовка! Четырнадцать бедняцких хозяйств вступили в колхоз и назвали его именем Павлика Морозова. Восемь активистов подали заявление о вступлении в партию.

Пионерский отряд, организованный Павликом, вырос до сорока человек. Со всех концов страны получали герасимовские пионеры письма и подарки. Пионеры Свердловска прислали им горн, два барабана и шелковые пионерские галстуки. Звеновожатыми были избраны старые пионеры, друзья Павлика — Настя и Нюра Ермаковы, Яша Юдов и Яша Коваленков, а председателем совета отряда — Мотя Потупчик.

Пионеры помогали бригаде райкома партии заготовлять хлеб. Один за другим шли из Герасимовки в Тавду красные обозы имени Павлика Морозова.

Герасимовка в эти дни стала известной всей стране. Очерки о жизни Павлика и его гибели в неравной борьбе с врагами, его портреты публиковались во всех газетах.

Вечерами собирались пионеры в избе-читальне или сельсовете и читали своим родителям из «Пионерской правды», «Колхозных ребят» и областной газеты «Всходы коммуны» материалы о Павлике.

И вот наступило утро седьмого ноября. Яркое солнце слепило глаза. Снега еще не было, но застывшая земля гудела под ногами.

К сельскому Совету со всех сторон подходили люди. Вдали показалась колонна пионеров. Над ней полот-

нище: «Будем такими, как Павлик Морозов». Впереди шли знаменосцы, барабанщик и горнист, за ними — звеньевые. Председатель отряда Мотя Потупчик шагала рядом с колонной и звонким голосом командовала:

— Ать, два, левой! Ать, два, левой!

От гомона и песен ребят стало шумно. Демонстрация направилась к кладбищу, на могилу братьев Морозовых. Пионеры запели «Песню о барабанщике».

Вот и кладбище — на опушке тайги, в мелком лохматом сосняке. На широкой поляне еще свежий песчаный холмик. Над ним — красная звезда, траурное знамя. «1932 года 3 сентября погибли два брата Морозовых» — гласила надпись на могиле.

Пионеры возложили на могилу свитый из можжевельника венок, а секретарь партийной организации Павел Ельшин сказал:

— Товарищи! —И голос его дрогнул.— Почтим память братьев Морозовых, убитых зверски кулацкой бандой!

Запели похоронный марш. Гулкое эхо разносило по тайге суровые голоса. Потом выступил представитель обкома комсомола.

— Павлик Морозов был одним из лучших пионеров страны,— говорил он.— Его славное имя навсегда войдет в историю детского коммунистического движения как имя бесстрашного борца за социализм, за коллективизацию в деревне. Он пал жертвой в ожесточенной, неравной борьбе с врагами Советской власти. Пионеры и школьники! Вы должны быть достойной сменой Павлику. Пусть каждый из вас будет таким, каким был Павлик.

— В честь Паши-коммуниста мы назвали нашу школу его именем,— обратилась к пионерам заведующая школой комсомолка Зоя Александровна.— Теснее

ряды пионерской организации! Пионеры, к борьбе за рабочее дело будьте готовы!

— Всегда готовы! — звонко ответил дружный хор, и загремели залпы из десятков ружей...

На обратном пути старик Давыд Парфенов прогудел Ефрему Книге:

— Н-да! Такого у нас в Герасимовке еще не бывало. Стар и мал вышел...

— Прославил смертью своей наш Пашка-коммунист Герасимовку на весь мир,— задумчиво ответил Ефрем.

— Пошто смертью? Не смертью, а жизнью,— возразил Парфенов.— Он ведь и верно был коммунистом, каких мало. Сколько он рассказывал нам о колхозах, читал. И главное, уверен был, что будет колхоз в Герасимовке. Не знал только, что его именем назовем мы этот колхоз...

СУД ИДЕТ

Необычным был этот ноябрьский, по-зимнему морозный вечер. По улицам Тавды медленно шла демонстрация. Не слышно было смеха и песен. Люди с сурово нахмуренными лицами. Здесь были пионеры и комсомольцы, крестьяне и рабочие лесопильных заводов.

Над демонстрантами реяли красные полотнища, на которых было написано: «Мы требуем расстрелять убийц!», «Будем такими, как Павлик Морозов!», «В ответ на вылазки классового врага организуем новые пионерские отряды!».

Такой многолюдной демонстрации не бывало еще в Тавде.

К шести часам тавдинский рабочий клуб, рассчитанный на шестьсот человек, был переполнен. У входа

толпились опоздавшие. Ровно в шесть комендант возвестил:

— Суд идет! Прошу встать.

Медленно пополз черный занавес. В глубине сцены висел большой портрет Павлика. По бокам — лозунги: «Требуем наказать убийц!», «Построим самолет «Пионер Павлик Морозов!».

За столом, покрытым кумачом,— судьи. Справа — общественные и государственные обвинители, представители областных и центральных газет. Слева, рядом с длинной скамьей подсудимых, сгорбились Арсений Кулуканов, Ксенья, Сергей и Данилка Морозовы. Заседание выездной сессии Уральского областного суда началось.

Обвинительное заключение зал выслушал в напряженной тишине. Только временами раздавались нервные, приглушенные возгласы. Все смотрели на второй ряд: там сидела поседевшая Татьяна Семеновна.

Начался допрос подсудимых.

Первой судья вызвал Ксенью Морозову. Высокая, сутуловатая, с глубокими морщинами на лице, она медленно подошла к столу. Из-под седоватых бровей бросила пронзительный взгляд на председателя.

Скрипучим голосом, не таясь, рассказала она о своем жестоком муже, о хитром зяте Арсении Кулуканове, о том, как обдумывалось убийство Павлика.

Потом допрашивали Сергея Морозова. Остриженный наголо, старик не походил на себя. Говорил тихо. То сознавался во всем, то начинал запираться. На вопросы отвечал путано. Морщился, истерично взмахивая рукой:

— Мне теперь все равно... Судите скорее... А то показывают, как птицу заморскую...

— Данила Иванович Морозов,— вызвал судья.

Данилка, низенький, широкоплечий, вихрастый, в

стареньком, видавшем виды дубленом полушубке, подробно рассказывает, как он, позарившись на золото, обещанное Кулукановым, согласился убить Павлика, как они с дедом совершили это страшное дело.

— Ну а золото он тебе дал? — спросил судья.

— Нет,— ответил Данилка.— Он посмеялся только. Ты, говорит, как Иуда Искариот, и так получил тридцать сребреников. На его тридцатку я купил себе фуражку в сельпо.

После Данилки показания давал Арсений Кулуканов.

Сгорбившись, мелкими шажками подошел Арсений к столу судьи. Толстый, в шубе с барашковым воротником. Седеющая бородка, бегающие, хитрые, бесцветные глаза. Глядя в пол, говорил сладеньким голоском:

— Я даже не знал, что племянничек мой Пашутка заявлял на меня. Слыхал, что звали его Павкой-коммунистом, а что он пионер, не знал. Он мне плохого ничего не сделал. Я ему тоже.

— Может быть, вы даже любили его? — возмущенно спросил прокурор.

— Да, гражданин начальник, я любил его,— осклабился Кулуканов.

В зале раздался недобрый смех.

— Расскажите, как убили Павлика. Как готовили вы убийство? — сказал судья.

— Про убийство я, гражданин начальник, ничего не знаю. Старики тут говорили все не от ума. А Данилко нахально все врет.

— Ксенья Морозова, встаньте! — приказал судья.— Скажите, действительно ли любил Кулуканов Павлика?

— Ненавидел он его, ох как ненавидел! — ответила старуха.— И он, и дочь моя, Хима. При каждой встрече напевали старику моему и Данилке, да и мне

одну и ту же песню: если будет жить Пашка, сгубит он всех нас.

— Садитесь,— сказал судья.— Что еще скажете, Кулуканов?

— Врут они. Оговаривают. И денег я не давал Данилке. И водкой его не поил. А золота-то сроду не видел, не только обещать...

— Дайте мне слово! — возмущенно крикнул Данилка, подняв руку.

— Говори!

Данилка, раскачиваясь, подошел к Кулуканову.

— Ты брось отпираться,— тоном обвинителя сказал он.

В перерыве к судье подошел какой-то парнишка в дубленом полушубке и передал конверт. Судья распечатал его. В письме сообщалось: «Вчера в Киселевском колхозе арестован кандидат партии Иван Сергеевич Морозов. На первом же допросе он признал себя виновным во вредительстве, в том, что хотел уничтожить обобществленный скот».

...С напряженным вниманием, стоя, выслушали присутствующие приговор.

Народный суд, выражая волю своего советского народа, приговорил Арсения Кулуканова, Сергея, Ксенью и Данилу Морозовых к высшей мере наказания — расстрелу.

Мгновение в зале стояла тишина. Неожиданно в задних рядах запели:

Вставай, проклятьем заклейменный...

Гимн подхватил весь зал.

Могуче и гневно гремел «Интернационал». В хор взрослых влились детские голоса, и казалось, где-то здесь, среди присутствующих, был сам огневой Павка-коммунист.

Содержание

Соломеин П. Д.

С60 Павка-коммунист. Повесть. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1979.

112 с. с ил.

Пионер Павлик Морозов вступил в борьбу с кулаками и погиб в этой борьбе. Но смерть его была и победой над изуверским миром кулачья, потому что время движется вперед и остановить его невозможно.

Книга эта о людях и событиях, отразивших в себе острейшую классовую борьбу в годы коллективизации.

С $\frac{70803-092}{М158(03)-79}$ Р2

ИБ № 589

Соломеин
Павел Дмитриевич

ПАВКА-
КОММУНИСТ

Редактор Н. И. Трубникова
Художник Н. Н. Моос
Художественный редактор О. И. Журавлева
Технический редактор Т. В. Меньщикова
Корректоры А. Г. Богородская, Г. Г. Быкова

Сдано в набор 1.12.78. Подписано в печать 18.06.79. Формат бумаги $84 \times 108^{1}/_{32}$. Типографская № 2. Школьная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 5,9. Уч.-изд. л. 4,6. Тираж 200 000. Заказ 674. Цена 20 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, Малышева, 24.
Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

20 коп.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1979